

БРАЙАН НАСЛУНД

КОЛДОВСТВО
КОРОЛЕВЫ

18+

ДРАКОНЫ ТЕРРЫ

Книга 2

Брайан Наслунд
Колдовство королевы
Серия «Драконы Терры», книга 2
Серия «Звезды новой фэнтези»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67970573
Колдовство королевы: Азбука; Москва; 2022
ISBN 978-5-389-21803-1

Аннотация

Освоив силу, скрытую в драконьей нити (редчайшем нервном волокне, извлеченном из позвоночника дракона породы призрачный мотылек), королева Эшлин Малыграв единолично испепелила войско мятежных баронов – и все же вынуждена бежать из своей родной Альмиры. Теперь по поручению Окину, императрицы Папирии, и при помощи Бершада Безупречного, лучшего драконьера на всей Терре, Эшлин пытается проникнуть в тайны изысканий, которыми некогда занимался Озирис Вард, злополучно известный королевский инженер Баларии, на острове Призрачных Мотыльков – северном пристанище пиратов. Тем временем построенный Озирисом из драконьих костей баларский воздушный флот отправляется на завоевание остальных держав Терры...

Впервые на русском – продолжение «возможно, лучшего дебюта в жанре темной фэнтези со времен „Ведьмака“ Сапковского» (*Grimdark Magazine*).

Содержание

Часть I	7
1	7
2	25
3	39
4	57
5	93
6	113
7	129
8	162
9	171
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Брайан Наслунд

Колдовство королевы

Brian Naslund

SORCERY OF A QUEEN

Copyright © 2020 by Brian Naslund

© П. Александров, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Джесс



Часть I

*Безмятежность природы – иллюзия; обманка
для неискушенного взгляда.*

Эшлин Мальграв

1

Бершад



Терра, Море Душ

После охрнительного фиаско в Незатопимой Гавани Бершад, Эшлин и Фельгор отправились на север, в Папирию.

Хороший мореход при попутном ветре проделал бы путешествие меньше чем за две недели, но ветер был встречный, а нескончаемые ливни и шквалы разодрали паруса в лохмоты. После двадцати семи дней плавания беглецы с трудом добрались до Надломленного полуострова – россыпи крошечных скалистых островков на полпути из Альмиры в Папирию.

На двадцать восьмые сутки погода улучшилась, и корабль прибавил ход. Впервые почти за месяц казалось, что удача склоняется на их сторону.

Наконец-то все вздохнули с облегчением. Бершад и Эшлин сидели на корме фрегата, разглядывая ночное небо, перечеркнутое истончающимся прерывистым косяком – последние стаи драконов летели на восток. Курносые дуболомы. Шипогорлые вердены. Громохвосты. Красноголовы. Гризелы. Высоко-высоко над ними парили серокрылые кочевники. Великий перелет подходил к концу. Приятно было сознавать, что все драконы найдут прибежище на дальнем берегу Моря Душ – в месте, которое отвоевали для них Бершад и Эшлин.

Пока Бершад вспоминал свои подвиги, в ожидании завтрака потягивая рисовое вино, пять красноголовов, оторвавшись от стаи, боевым клином устремились к кораблю.

Бершад выругался, вскочил и заметался по палубе в поис-

ках оружия. Драконы с оглушительным рыком кружили над одиноким судном, устрашающе клацая челюстями в предвкушении поживы.

– Дайте мне копье!

– У нас нет копий, – буркнул капитан корабля, Джаку; это его матросы спасли Бершад и Эшлин после битвы в Незатопимой Гавани. – Есть только гарпуны для косаток. – Он махнул рукой на груды рыболовных принадлежностей.

Матросы на палубе сыпали папирийскими проклятиями и взводили арбалеты.

– Арбалетные болты только разозлят этих гадов, – прорычал Бершад, роясь в груды гарпунов, пока не выбрал один, хреново сбалансированный, но с таким острым наконечником, что им можно было резать стекло.

– Ты собираешься в одиночку убить пять красноголовов, альмирец? – спросил Джаку.

– Нет, – ответил Бершад. – Не в одиночку.

Он повернулся к Эшлин. Она уже разматывала драконью нить на запястье. Придурочный внутренний голос настаивал, чтобы Бершад побыстрее увел Эшлин в трюм, но эта самая Эшлин истребила два войска обрывком позвоночного волокна призрачного мотылька. Так что сейчас единственной надеждой на спасение был не Бершад, а именно Эшлин.

– Мы с Сайласом разберемся с драконами, – сказала она. – Все остальные марш в трюм.

Папирийских моряков дважды просить не пришлось.

Джаку тоже не стал возражать и быстренько спустился. Фельгор, Хайден и остальные папирийские вдовы остались на палубе. Они дали клятву защищать Эшлин от любой опасности, включая драконов.

– Вы мне ничем не поможете, – сказала Эшлин Хайден. – Будете путаться под ногами и наверняка пострадаете. Ступайте.

Хайден замялась, но вдовы всегда отличались прагматичностью, а к тому же Эшлин была права. Хайден коротко кивнула и вместе со своими сестрами по оружию направилась следом за моряками.

Фельгор пожал плечами:

– Ну, раз уж вдовы рванули в укрытие, то и я не стану по чем зря похваляться смелостью. – Он бросился к люку, ведущему в трюм, выкрикнув на ходу: – Постарайтесь не погибнуть!

Бершад оглядел небо. Красноголовы все быстрее и быстрее закладывали круги над кораблем, с каждым заходом сужая витки. Только драконы этого вида охотились подобным образом и никогда не меняли своего поведения.

– Сейчас два дракона отделятся от стаи и нападут с противоположных сторон, – сказал Бершад.

– Знаю, – ответила Эшлин. – Ты какую сторону возьмешь?

– Ту, с которой подлетит дракон поменьше, королева-ведьма, – заявил Бершад.

– Не смей меня так называть! – Она резко рванула

нить, зажатую в кулаке; заискрили разряды молнии, которую Эшлин ловко сгребла в ладонь и приготовилась метнуть, как увесистый речной гольш.

Бершад сунул в рот последние комочки божьего мха – остатки запасов, сделанных в Незатопимой Гавани, – и быстро проглотил. Желудок наполнился жаром, а мышцы привычно налились неодолимой силой.

Два дракона разорвали круг. Самки. Громадные.

– Отлично, – пробормотал Бершад и отступил к правому борту.

Эшлин шагнула в противоположном направлении, воздев обвитую молниями руку.

Бершад стал напротив одной из самок краснолового. Она была в два раза больше той, которую он убил под Аргелем, – огромные распростертые крылья, бьющий по воздуху длинный хвост. Драконица устремила на Бершада взгляд горящих глаз. Бершад ответил ей тем же и покрепче сжал древко гарпуна, выжидая, пока самка не приблизится на сотню локтей.

– Давай! – выкрикнул он и швырнул гарпун.

Эшлин метнула молнию. Гарпун вроде бы тоже попал, только непонятно, куда именно. Драконица пронеслась над головой Бершада. Мелькнула чешуя, просвистел порыв ветра. Раздался пронзительный визг, что-то гроыхнуло, и Бершаду достался резкий удар по затылку. Драконица ничком грохнулась на палубу. Глаза застил белый высверк.

В падении Бершад сломал себе челюсть и нос, а еще, судя

по невыносимой боли, заработал трещину в черепе. Впрочем, божий мох помог телу залечить увечья. Бершад поспешно вправил челюсть, пока кости не срослись криво. Зрение понемногу возвращалось, и он с усилием поднялся на ноги. Эшлин, целая и невредимая, по-прежнему стояла на месте. Оглядывалась. Половину корабельной мачты снесло, оба красногорова оказались в воде. У головы драконихи, которую загарпунил Бершад, расплывалось багровое пятно. Дракониха, сбитая Эшлин, покачивалась на воде брюхом вверх, как дохлая рыбина.

Бершад хмыкнул, ощупывая затягивающуюся трещину в черепе:

– Для начала неплохо.

– Еще бы. Если не считать сломанной мачты и трех оставшихся красноголовов. – Дымящимся пальцем Эшлин указала на драконов, которые закладывали дугу слева; их костяные макушки атели под яркими лучами полуденного солнца. – Они вот-вот нападут.

– Ага.

Бершад вытянул еще один гарпун из груды на палубе. Оставалось только надеяться, что им еще раз повезет.

Красноголовы были не только жестоки, но и очень умны. Увидев, какая судьба постигла двух охотниц, драконы сменили тактику – решили напасть сразу с трех сторон, держась на большом расстоянии друг от друга.

– Фигово, – сказал Бершад, пытаясь сообразить, в какого

из драконов лучше метнуть гарпун.

– Ты подбей одного, – сказала Эшлин, снова дернув нить в кулаке, чтобы создать очередной разряд. – Я могу расщепить молнию и ударить сразу в двоих. Наверное.

– Наверное?

– Теоретически такое возможно. Главное – поддерживать равновесие и... Ох, погоди... что за хрень?!

Треск и шипение электрических разрядов затихли.

Бершад обернулся к Эшлин. Ее руку обвивал дым. Эшлин еще раз рванула нить, посыпались искры, но никаких молний не возникло.

Бершад перевел взгляд на ближайшую дракониху, стремительно рассекавшую небеса. Вроде как и справедливо, что он, сознательно уничтоживший десятки драконов, погибнет в море от случайного нападения ящеров. Жаль только, что вместе с ним в последний путь отправится и Эшлин.

Красноголов выпустил когти, раззявил устрашающую пасть.

Бершад встал рядом с Эшлин, взял ее за руку:

– Я люблю тебя, Эш. Всегда любил.

Гигантская тень накрыла палубу. Красноголов рухнул в море.

Краем глаза заметив дымчато-серую шкуру, Бершад запоздало сообразил, что над кораблем пронесся серокрылый кочевник. Самка невероятных размеров.

С громким раскатистым ревом она начала драть красно-

голова когтями, разбрызгивая над волнами кровь и ошметки внутренностей. Размах ее крыльев был так велик, что в сравнении с ней красноглаз казался хилой болотной ящерицей. Два оставшихся красноглаза, забыв о нападении, порскнули в разные стороны, как перепуганные кролики.

Бершад не выпускал из рук гарпуна, опасаясь, что серокрылая кочевница нападет и на корабль, но дракониха просто-напросто подцепила когтями половину туши красноглаза и улетела с ней к ближайшему острову, в нескольких сотнях локтей от корабля, где бросила добычу на берег, жадно вгрызлась в нее и начала жевать. Громадные челюсти окрасились кровью. Эшлин, будто зачарованная, молча наблюдала за драконихой. Из трюма на палубу потянулись моряки и остальные путники.

– Что стряслось? – спросил Фельгор.

Бершад пожал плечами:

– Самка серокрылого кочевника загрызла красноглаза.

– Она тебе чем-то обязана, что ли? – поинтересовался Фельгор.

– Нет, тут что-то другое, – ответил Бершад.

Все смотрели, как кочевник расправляется с добычей. Навшись, дракониха обернулась и пристально посмотрела на корабль сияющими голубыми глазами, а потом расправила огромные крылья и за несколько взмахов поднялась высоко в небо. С дымчато-серого брюха стекала морская вода, смешанная с кровью. В сотнях локтей над кораблем дракониха

поймала восходящий поток воздуха и по широкой спирали устремилась ввысь, посверкивая в разрывах облаков, пока не стала размером с монетку.

– Я и не знал, что бывают такие громадные драконы, – сказал Джаку, прикрыв рукой глаза от солнца.

– И я тоже, – кивнул Бершад, не сводя глаз с драконихи; за свою жизнь он повидал немало летучих ящеров, но до размера этой драконихи остальным было далеко.

Течение уносило корабль на северо-восток, однако серокрылая кочевница упрямо следовала за ним.

– Похоже, она не собирается с нами прощаться.

– И что теперь делать? – спросил Фельгор.

– А ничего, – ответил Бершад. – Главное, чтобы она не решила к нам спуститься.

– Меня больше беспокоит не дракон, а то, как мы продолжим плавание, – сказала Эшлин.

– Да, с этим придется разбираться. – Джаку кивнул на обломанную мачту. – Для начала хорошо бы придумать, как соорудить новую.

Эшлин указала на близлежащий остров, где высились стройные кедры:

– Нам туда.

– Точно, – согласился Джаку и сказал матросам: – Ребята, сейчас мы с вами поплотничаем. Доставайте-ка пилы и топоры.

Одиннадцать дней они плыли на север, лавируя между островками Надломленного полуострова.

Погода оставалась ясной, но корабль по-прежнему шел медленно. Теперь, когда поставили новую мачту, а шторма и драконы остались позади, возникла новая опасность: флот Линкона Поммола мог обнаружить беглецов.

Трижды они замечали папирийские фрегаты под флагом с черепахой – эмблемой Линкона, – патрулирующие побережье Альмиры. Линкон Поммол считал, что Эшлин погибла, поэтому использовал захваченные корабли для устрашения мелких баронов Атласского побережья. Чтобы не нарваться на неприятности, беглецам пришлось углубиться в хаос Надломленного полуострова. Так называемый полуостров на самом деле был архипелагом: мелкие островки, соединенные сетью извилистых узких проливов, где стремительное течение грозило разбить судно об острые подводные камни или выбросить на мель. Если путники заплывали слишком далеко в лабиринт внутренних островов, то потом тратили несколько дней, чтобы выбраться в открытое море.

Самка серокрылого кочевника все время кружила над ними. Не опускалась на землю. Не меняла курса.

– Интересно, и сколько он будет вот так летать? Ну, без отдыха? – спросил Фельгор, разглядывая серебристо-серого дракона.

– Я же тебе говорила, это не он, а она, – откликнулась Эшлин, сидя на корме и угольком набрасывая очертания

драконихи на обрывке парусины. – Из всех драконов Терры кочевники совершают самые длинные перелеты и могут оставаться в воздухе целый месяц.

– А вдруг она проголодается? – не унимался Фельгор.

– Не волнуйся, – сказал Бершад, – если и проголодается, то не скоро. Она сожрала половину туши красноглава.

Он не понимал, каким образом чувствует сытость драконихи. Серокрылая кочевница с туго набитым брюхом кружила в небе, а нутро Бершада ощущало эту тяжесть.

– Дракон следует за нами по всему Надломленному полуострову, как мальчишка-оборванец за тележкой с сосисками, надеясь поживиться лакомым кусочком. По-твоему, это нормально? – спросил Фельгор.

Эшлин отложила уголек и потянулась, разминая затекшие обнаженные плечи, что тут же привлекло внимание папирийских моряков. Битва в Незатопимой Гавани оставила на коже Эшлин темно-синие шрамы, зубчатыми зигзагами тянувшиеся по кровеносным сосудам, начиная с правого запястья, по всей руке и по груди.

– Нет, это очень необычно, – сказала она.

Бершад поднес руку ко лбу, защищая глаза от яркого солнечного света, и тоже взглянул на дракониху. Она парила на потоке восточного ветра, широко раскинув крылья, так что перепонки сверкали под лучами полуденного солнца.

– В последнее время ничего обычного вообще не происходит, – сказал Бершад.

По правде говоря, он не воспринимал постоянное присутствие серокрылой кочевницы как что-то странное. Куда удивительнее было то, что ему совершенно не досаждал зуд в костях, который еще недавно возникал при приближении любого дракона. Вместо этого кровь в жилах драконьера и драконихи словно бы пульсировала в унисон, и эта объединяющая связь была очень прочной: Бершад чувствовал какой-то едва уловимый толчок всякий раз, когда серокрылая кочевница взлетала повыше, опускалась к морю, отлетала подальше или приближалась.

Бершад не мог объяснить, почему это происходит. Однако же он давно привык к тому, что с ним случаются необъяснимые вещи, и оставлял без внимания скрытый в них смысл.

– Уж не знаю, обычно оно или нет, но дракониха распугала всю рыбу. – Капитан Джаку закрепил штурвал потертой кожаной веревкой и подошел к Бершаду. – Тут всегда ловились тунец и марлин, легче легкого. Цапле и то сложнее таскать лягушек из пруда. А из-за этой драконихи вся рыба улепетнула куда подальше. Похоже, придется до самого дома глодать сухари.

– А долго нам еще? – спросил Фельгор, почесывая ухо. – Потому что эти ваши сухари нарушают нормальную работу кишечника. Я уж и не помню, когда в последний раз толком просрался.

Джаку сплюнул за борт.

– Если мы и дальше будем шастать по этому Поломанно-

му Сральнику, а ваш черепаший барон будет нам жопу щекотать, то еще месяц проваландаемся, не меньше.

– Целый месяц? – протянул Фельгор. – Значит, я больше никогда в жизни не проснусь, спаси и сохрани меня Этернита! Между прочим, запор очень вреден для здоровья. У меня был приятель в Бурз-аль-дуне, так он однажды стащил на причале здоровенный ящик хурмы и трескал ее каждый день, пока всю не сожрал. А потом три недели посрать не мог, так что угодил в...

– О боги, Фельгор, будет тебе рыба! – не выдержал Бершад. – Только заткнись.

Он посмотрел на дракониху. Конечно же, днем она распугивает рыбы стаи – все живые существа, даже подводные обитатели, знали, как опасны днем небеса Терры, – а вот ночью другое дело.

– Я тебе ночью рыбы наловлю, – пообещал Бершад.

– А раньше бывало, что дракон за тобой следовал? – спросила Эшлин, когда они с Бершадом спустились в каюту.

– Ну, пару лет назад я промазал, охотясь на дуболома, так он меня пятнадцать лиг по болотам гонял, пока не надоело. Успокоился только через сутки, тогда я его и убил.

– Не валяй дурака. Я имею в виду вовсе не твои драконьерские промахи.

– Нет, раньше такого не бывало, – со вздохом признался он. – Это что-то новенькое.

Эшлин погрузилась в размышления.

– Все твои раны быстро затягиваются. Дракон от тебя не отстает. Всему этому должно быть какое-то объяснение.

– Ага. Я – демон хренов.

– Ха-ха, очень смешно. Озирис Вард об этом упоминал?

Бершад помотал головой:

– Не-а. Но этот старый псих в детали особо не вдавался.

После побега из Незатопимой Гавани Бершад рассказал Эшлин об Озирисе Варде и о хирургических опытах в подземелье, однако скрыл предостережение Варда о том, что сила в крови в конце концов приведет к смерти Бершада. Говорить об этом он вообще не собирался. Бершад настолько привык к смертным приговорам, что еще один его совершенно не беспокоил.

Эшлин окинула его пронизательным взглядом:

– Ты от меня что-то скрываешь, Сайлас.

– Ничего подобного.

– Врешь.

Бершад пожал плечами. Он хранил свою тайну из глупого упрямства, а еще потому, что хорошо знал Эшлин. Если сказать ей, что он обречен, то она начнет искать, как ему помочь, невзирая на то, куда ее это заведет. Бершада не беспокоила дракониха в небесах, он чувствовал, что она не станет нападать. Ему хотелось провести оставшееся ему время в тишине и покое. Поселиться на каком-нибудь из необитаемых островов Папирийского архипелага, где их с Эшлин ни-

кто не потревожит. В жизни ему почти не выпадало покоя. Поэтому он и мечтал спокойно прожить хотя бы неделю, месяц или год, сколько бы там ни было ему отпущено, главное, чтобы Эшлин была рядом.

– Ты же понимаешь, что в конце концов я все разужаю, – добавила Эшлин в ответ на его молчание.

– Может быть. А может, в мире есть и кое-что непознаваемое, королева-ведьма.

– Не смей меня так называть!

– А не то что мне будет?

– Вот то и будет... – с притворной угрозой в голосе пообещала Эшлин.

Она пересекла каюту, ухватила Бершад за горло и заставила его опуститься на колени.

После того как Эшлин уснула, Бершад тихонько соскользнул с узкой койки в каюте и вышел на палубу. Вдохнул соленый ночной воздух и приветливо кивнул вахтенному – бедняга забился в крохотную каморку штурмана и крепко, будто возлюбленную, прижимал к себе арбалет.

Чтобы не лишать вахтенного надежды, пусть даже и обманчивой, Бершад не стал напоминать, что стрелять в серокрылого кочевника из арбалета – все равно что тыкать зубочисткой в воина, облаченного в боевые доспехи.

В груде рыболовных принадлежностей на палубе он отыскал моток прочной бечевки и большой серебристый крюк,

потом нацепил на крюк селедку посвежее – далеко не первой свежести – и прошел на корму.

Там он зашвырнул насаженный крюк за борт, и кильватерная струя поволокла бечевку вслед за кораблем. После побега из Незатопимой Гавани беглецы проводили в ожидании долгие часы и даже дни, то скрываясь от погони в рощах, то прячась от проходящих кораблей за скалистыми утесами, но все это время Бершад никогда не оставался в полном одиночестве. Он либо убредал в каюту к Эшлин, либо сражался с драконами, либо сидел на палубе, слушая нескончаемую болтовню Фельгора, а все остальные краем глаза следили за кружащей в небе драконихой.

Сейчас он наслаждался уединением. Ему невольно вспомнились события прошедшего года: переход через Вепрев хребет, гибель Роуэна и Альфонсо в Таггарстане, убийство императора Баларии, жуткие пытки под ножом безумного мерзавца Озириса Варда. Возвращение в Незатопимую Гавань. Невероятные поступки, совершенные Эшлин ради того, чтобы выжить.

Туманная пелена скрыла звезды, не позволяя Бершаду разглядеть в ночном небе силуэт драконихи. Но он знал, что она там. Он ощущал ее присутствие.

Спустя час бечевка в руках Бершада дрогнула и резко натянулась.

Он быстро обмотал ее вокруг локтя, напрягся, чтобы не упасть за борт от внезапного рывка, а потом начал не торо-

пьясь подтягивать добычу. Бечевка глубоко впиалась в руку, но он радовался боли, потому что она заставляла его сосредоточиться. Когда борешься с огромной рыбиной, способной уволочь тебя в море, нет времени беспокоиться о проклятой крови, назойливых драконах, потерянных королевствах или колдовских нитях. Бершаду это было по душе.

Минут через десять он вытащил на палубу красноперого тунца размером с жеребенка. Ощущая под пальцами сумасшедшее биение рыбьего сердца, он снял с пояса нож и убил рыбину ловким ударом в голову.

Запахи рыбы и крови ощущались резко, гораздо сильнее, чем обычно. Бершад с какой-то звериной жестокостью склонился над тунцом, срезал увесистый шматок с рыбьего бока и впился зубами в кровоточащую, солоноватую плоть.

Подгоняемый первобытным инстинктом и голодом, он наелся до отвала. Утер кровь с губ, посмотрел на огромную тушу – ее хватило бы, чтобы накормить всю команду корабля, и больше чем достаточно, чтобы прочистить кишечник Фельгора. А серокрылая кочевница сожрала красноголова уже несколько недель назад и с тех пор ничего не ела. Бершад не знал, почему она следует за ним, но чувствовал себя в ответе за нее. Он оглянулся. Вахтенный все еще подремывал в своей каморке и не видел улова.

Бершад высвободил крюк из рыбьей пасти и столкнул тунца в море.

Поначалу ничего не происходило. Рыбья туша, сверкая

чешуей, легонько покачивалась на волнах. Бершад пожалел, что так легко расстался с добычей, но тут над водой мелькнула серая тень, подхватила тунца и снова скрылась в тумане.

Бершад почувствовал, как дракониха перекусила рыбину пополам, проглотила сначала голову, а потом и остаток туши. Солоноватая плоть теперь покоилась и в желудке Бершада, и в брюхе драконихи. Бершад кивнул и направился к носу корабля.

– Я слышал какой-то шум, – сказал вахтенный. – Ты что-нибудь поймал?

– Ага. Вот только рыба сорвалась с крючка.

В каюте Бершад отыскал склянку с Багряной Башней, растер комочки мха по ладоням, до крови изрезанным бечевкой, и перемотал их чистыми бинтами. К утру раны затянулись. Бершад улегся на койку, скользнул под грубую дерюгу и прижался к теплому телу Эшлин, сосредоточившись на биении ее сердца, но все равно ощущал присутствие драконихи в небе.

Прежде чем уснуть, он подумал, что, наверное, они наконец-то оторвались от рыскающих вдоль побережья кораблей Линкона Поммола и что теперь, когда завершился Великий перелет, можно мирно и спокойно доплыть под ясными небесами до самой Папирии.

Он ошибся и в том и в другом.

Джолан



Альмира, провинция Дайновая Пуца

Спустя час после восхода солнца Джолан заметил стервятников.

Вот уже два месяца он бродил по логовищам на юге Дайновой пуци. Почти все альмирские драконы уже отправились в Великий перелет через Море Душ, поэтому Джолан без опаски бродил по заповедным лесам и бесчисленным пещерам. Его котомку распирало от ценных и редкостных

ингредиентов: шесть склянок чешуи иловки-келарии, семь баночек с корешками иондрила, три печени дайновых лис, два фунта светящихся шляпок грибов-соляриев, пять фунтов спартанийского мха и столько же – Багряной Башни. С такими запасами Джолан вполне мог бы открыть аптекарскую лавку, если бы его не изгнали из гильдии алхимиков. Однако же истинная ценность добычи заключалась совсем в другом.

В глубине древнего драконьего логовища, у корней необычного раскидистого дерева, Джолану удалось собрать целых два фунта божьего мха. Потом он долго пытался отыскать в джунглях такие же деревья, но их больше не попадалось.

Божий мох стоил тысячи золотых монет. Если продать его в Незатопимой Гавани какому-нибудь зажиточному торговцу, то на вырученные деньги можно безбедно прожить всю оставшуюся жизнь. Но Джолана не интересовали ни богатство, ни безбедное существование. Он хотел поселиться в хижине, где-нибудь близ Гленлока, и проводить там опыты с божьим мхом, чтобы раскрыть тайну того, что произошло прошлой весной в Выдрином Утесе. Тайну Бершада Безупречного.

Однако сначала надо было выбраться из лесной глуши.

Вот уже два месяца он странствовал по лесам и соскучился по цивилизации. Он брел по берегу ручья, представляя, как потратит часть денег на горячую ванну, несколько

больших кружек ливенеля и кровать с пуховой периной, как вдруг заметил стервятников.

Не меньше двадцати птиц кружили над лесом примерно в полулиге к северу. Джолан поначалу хотел пройти мимо – ведь там, где стервятники, ничего хорошего не обнаружится, – но потом все-таки решил проверить, в чем дело. Если там какой-нибудь раненый зверь, то его можно будет использовать для опытов с божьим мхом. Гильдия алхимиков требовала, чтобы первые эксперименты проводили на мелких насекомых, постепенно увеличивая размер подопытных экземпляров, но ради науки Джолан готов был пренебречь правилами и взяться за кролика или оленя.

Он добрался до опушки леса, сдавленно охнул, присел и спрятался в зарослях папоротника.

На опушке оказались три воина – все в масках, в боевых доспехах и при оружии. Самый мощный из троих сидел на пеньке, опираясь на громадный двуручный меч, чуть ли не выше Джолана. Его приятели стояли рядом. Но самым страшным были не живые, а десяток трупов на поляне.

Джолан попытался успокоиться, но сердцебиение не замедлялось. Тогда он начал медленно отползать, надеясь незаметно добраться до ручья и продолжить путь в Гленлок.

За спиной послышался металлический щелчок.

– А кто это у нас тут? – спросил кто-то с говором уроженца Дайновой Пущи. – Черепаха, что ли?

Джолан не шевельнулся. И не ответил.

– Если и дальше будешь молчать, заработаешь арбалетный болт в черепушку.

– Я... малец, – сказал Джолан, чуть приподнявшись и всем своим видом изображая невинность.

Молчание. Потом по траве затопали сапоги. На лицо Джолана упала тень. Он поднял взгляд, увидел четвертого воина с арбалетом наизготовку и чуть не блеванул от страха.

– Малец, говоришь?

– Ага.

– Ну тогда вставай.

Джолан повиновался, машинально отвернувшись от арбалета, будто это заставит оружие исчезнуть.

– Шагай через поляну. К остальным.

Джолан двинулся вперед, с ужасом представляя, как в его мозг вонзается арбалетный болт.

– Эй, гляньте-ка, что я в папоротниках нашел! – крикнул воин товарищам.

Они оглянулись. Теперь Джолан ясно видел, что все они в масках ягуара.

Значит, это воины из Дайновой Пущи.

– Еще одну черепаху? – спросил самый высокий, в кроваво-красной маске с черной полосой посередине; он встал с пенька, но опирался на меч, будто на костыль.

– Не-а, какого-то пацаненка.

– Да? Ну ладно, подойди поближе.

Джолан сократил расстояние между ними до пяти шагов,

и воин предостерегающе поднял руку:

– Стоп! Ты кто такой?

Он окинул Джолана взглядом.

– Я... кхмм... – У Джолана пересохло в горле, а ладони вспотели. – Кхмм...

– Кхмм – не имя, малец. Назовись, и побыстрее.

– Джо... Джолан, – выдавил он.

Воин ткнул толстым пальцем в котомку Джолана:

– А тут у тебя что?

– Запасы.

– Какие запасы?

– Всякие лекарственные травы и целительные зелья...

Воин, обнаруживший Джолана, выступил вперед и снял сине-белую маску ягуара, открыв узкое лицо с длинным подбородком.

– Целительные? А найдутся такие, чтобы с хера не капало? А то у меня тут неприятность назрела... – Он поддернул штаны, звякнув двумя боевыми топориками на пояском ремне.

– Ну... – задумчиво протянул Джолан, – триппер лечится смесью спартанийского мха с Кедровым Пальцем и...

– Виллем, да погоди ты со своим хером! – Воин в красной маске приподнял руку и повернулся, показывая Джолану сломанный арбалетный болт, вонзившийся в грудную клетку между пластинами доспеха. – Ты можешь вот эту хрень вытащить так, чтобы не отправить меня в последний путь по

реке?

Джолану только однажды довелось наблюдать, как мастер Морган извлекал стрелу у пациента после несчастного случая на охоте. По правде сказать, саму процедуру он видел плохо – слишком много крови и судорожных подергиваний. Однако же, судя по суровым лицам и по оружию в руках воинов, сейчас отказываться было неосмотрительно.

– Я попробую.

Он начал обеззараживать щипцы в кипящей родниковой воде, размышляя, сколько еще раненых убийц встретится ему в лесной глуши. Похоже, их будет немало.

Пока Джолан подготавливал инструменты, воин в красной маске – его звали Камберленд – снял доспехи и рубаху. Ему было лет за сорок, во встрепанной черной шевелюре поблескивали серебряные кольца, и Джолан решил, что он похож на Бершада Безупречного, только ростом пониже.

– Почти готово, – сказал Джолан, проверив щипцы.

Камберленд устало кивнул, взял палку и приготовился ее закусить.

– Этого не понадобится, – сказал Джолан.

– Из тебя когда-нибудь стрелу вытягивали, малец?

– Нет, но как только я смажу рану особым раствором, то смогу отрезать тебе три ребра и желудок, а ты ничего не почувствуешь. – Джолан вытащил из котомки пузырек с густой синей жидкостью.

– Она не опасная? – спросил Камберленд.

– Почему-то все об этом спрашивают, – вздохнул Джолан. – В битве, например, тоже опасно, но ты же все равно ввязался.

– Тоже верно. Только ты мне все-таки ответь.

Обезболивающий раствор был улучшенной разновидностью того, который Джолан использовал прошлой весной, вытаскивая обломок драконьего клыка из руки Гаррета. Первоначальное зелье, изготовленное из ядовитых лягушек Дайновой пущи, Джолан перегнал с вытяжкой из печени и сердец огромных карпов кои, водящихся в логовищах, что значительно усилило обезболивающий эффект. Именно то, что сейчас и требовалось, потому что арбалетная стрела сломала Камберленду два ребра и извлечь ее будет непросто.

– Нет, раствор не опасный, – сказал Джолан. – Ну что, приступим?

Камберленд неохотно кивнул.

Спустя час Джолан вытащил из раны древко болта, треснувший наконечник и три его осколка, стянул рану семью ровнехонькими швами, обложил ее спартанийским мхом и перевязал шелковым бинтом.

Разумеется, можно было добавить и божьего мха, но Джолан боялся, что один из воинов узнает ценное растение и наверняка захочет его украсть. Или просто отобрать, а самого Джолана убить.

Джолан плохо разбирался в людях, зато хорошо понимал, что не стоит соблазнять ценностями тех, кто зарабатывал на

жизнь, отнимая жизнь у других.

Камберленд придирчиво осмотрел перевязанную рану:

– Неплохо. В прошлый раз какой-то пьяный мясник выдирает из меня стрелу чуть ли не всю ночь. Колено до сих пор в дождь ноет, ну а в Дайновой пуще так вообще каждый гребаный день.

– Эта рана заживет, только шрам останется. – Джолан сложил вещи в котомку, сглотнул и добавил: – С тебя три золотых.

Камберленд уставился на него:

– Точно знаешь?

– Столько стоят использованные ингредиенты, – сказал Джолан. – За свои услуги я с тебя ничего не возьму.

– Да неужели? И с какой же стати такая щедрая скидка?

Джолан выпрямился и не отвел взгляда:

– Я знаю, кто вы. Воины-ягуары из Дайновой Пущи – отважные бойцы, которые не считаются с законами остального мира. Поэтому я обслужил вас по себестоимости. Но за бесплатно работать не намерен.

Вот-вот – больше не намерен.

Камберленд покосился на товарищей, которые коротали время за выпивкой и игрой в кости.

– Эге, да ты у нас смельчак, малец.

Джолан пожал плечами:

– Ну надо же как-то на жизнь зарабатывать. Так же, как и вам.

– Гм... – Камберленд задумался. – Вот только золото сейчас вряд ли у кого найдется. Война все-таки.

– Война? Какая война?

– Ты что, все лето в пещере просидел?

– Да.

Камберленд склонил голову набок:

– Похоже, ты много пропустил. Седар Уоллес, большой любитель повоевать, взял в осаду Незатопимую Гавань. И если верить слухам, Эшлин испепелила все его долбаное войско каким-то демоническим колдовством, но при этом и сама погибла.

Джолан удивленно наморщил лоб:

– Но если Эшлин погибла, кто же правит Альмирой?

– А, вот об этом сейчас и спорят. – Камберленд пнул сапогом ближайший труп в маске черепахи. – По большей части все подмял под себя этот гаденыш-барон.

– Линкон Поммол? – уточнил Джолан.

– Ага.

Джолан посмотрел на воинов. Судя по всему, они не собирались его убивать. А ему надо бы разузнать побольше, прежде чем искать в Альмире безопасное местечко, чтобы и дальше изучать чудесные свойства божьего мха.

– А почему Воинство Ягуаров выступило против Линкона Поммола?

– Потому что Линкон Поммол – мудака, – рассмеялся Виллем.

Камберленд тоже хохотнул, но потом посуровел.

– Ты знаешь, кто мы. Ты знаешь, что мы – люди опасные.

Но что еще тебе известно о Ягуарах, малец?

– Раньше вы служили Бершадам. И никогда не меняли ма-сок, даже когда служили Элдену Греалору.

– Догадываешься почему?

Джолан пожал плечами.

– Уроженцы Дайновой Пуши живут по своим законам, – сказал один из воинов, единственный, кто еще не снял свою маску, выкрашенную в желтый и зеленый; в отличие от своих товарищей, сложенных как быки, он был сухощав и жилист.

– Точно, – сурово подтвердил Виллем.

Остальные закивали.

– После того как Сайлас навлек на себя позор резней в Гленлокском ущелье, у нас не было другого выбора. Пришлось смириться с Элденом Греалором, – продолжал Камберленд. – Тогда много наших заклеямили синими татуировками на щеках, потому что Гертцогу Мальграву не терпелось истребить под корень все Воинство Ягуаров. В общем, мы терпели. А теперь, когда в Альмире все пошло наперекосяк, решили сами выбирать свою судьбу.

– И пока в моих жилах не остынет кровь, – добавил Виллем, – я не позволю, чтобы Линкон Поммол перебрался через Горгону и отымел Дайновую Пушу. Этот мерзавец вырубит больше дайнов, чем клятые Греалоры.

– А кто вами командует? – спросил Джолан. – У вас же

наверняка есть начальник?

– Карлайл Лайавин, – ответил Камберленд. – Он стоял во главе дворцовой гвардии Эшлин Мальграв в Незатопимой Гавани, каким-то чудом уцелел вместе с горсткой своих людей и возглавил Воинство Ягуаров. А мы расправились с этими сволочами, – он указал на трупы воинов-черепак, – и теперь возвращаемся в Умбриков Дол, к своим. – Он хлопнул Джолана по плечу. – И ты пойдешь с нами.

Джолан замялся:

– Вообще-то, мне надо в Гленлок...

– Да, конечно, – согласился Камберленд, будто лично составлял маршрут путешествия Джолана. – Но среди нас только Тимальт хоть чуть-чуть владел искусством исцеления. Вон он, там лежит. – Он кивнул на обезглавленный труп воина шагах в двадцати от них. – Кстати, Виллем, ты нашел его голову? А ракушку в рот вложил?

– Ага. Теперь он наверняка доберется до моря.

Камберленд вздохнул:

– Если бы Тимальт не отправился в последнее плавание, то занимался бы моими ребрами, а я бы орал во всю глотку и осыпал его проклятиями. А у тебя, малец, в голове и в котомке несметные сокровища, поэтому в обозримом будущем мне хотелось бы сохранить их при себе. С Линконом Поммоллом мы разделаемся еще не скоро, так что тебе будет кого лечить.

Джолан посмотрел на суровое лицо Камберленда, перевел

взгляд на остальных воинов. Они перестали играть в кости и уставились на него. Джолан запоздало сообразил, что все они очень хорошо вооружены.

– Да, пожалуй, мои планы можно и переменить, – сказал он.

– Отлично! – воскликнул Камберленд, будто у Джолана был выбор. – В таком случае давай я тебя со всеми познакомлю. Ну, того, кто триппер подцепил, ты уже знаешь – Виллем. А справа от него – Стэн, с рожей как покоцанный медный таз.

– Эй, давай-ка без оскорблений! – потребовал Стэн, хотя его круглая физиономия в оспинах очень напоминала упомянутый предмет.

– Ага, – продолжил Камберленд. – И наконец Оромир. Да сними ты уже эту хрень с морды!

Оромир внимательно разглядывал сокола, кружившего над головой, но, услышав окрик Камберленда, обернулся и стянул маску.

Ему было лет шестнадцать. Черноволосый, с острыми чертами лица и бледно-голубыми глазами.

– Мне нравится моя маска, – сказал он.

– Это потому, что ты ее всего два месяца носишь, – сказал Стэн. – А когда лет через десять она насквозь пропитается потом и кровью, будешь сдергивать ее, как только битва закончится.

Оромир пожал плечами:

– Рад познакомиться, Джолан.

Камберленд снова кивнул:

– Ну вот, все и подружились. Прекрасно. А теперь проверьте, нет ли на трупах чего ценного, вложите каждому по ракушке в рот – и в путь. Нужно за четыре дня дойти до Умбрикова Дола.

– А с чего такая спешка? – спросил Виллем. – Нам же недавно бродячий торговец сказал, что драконы дотла испепелили весь флот Линкона Поммола и горе-король порастерял свой гонор.

– Торговец говорил не про драконов, – поправил его Оромир, – а про корабли-неболёты, сделанные из драконьих костей и серого металла.

– Такого не бывает. Это драконы, припозднившиеся во время Великого перелета, решили спалить корабли. Драконы же наши, альмирские. Они не потерпят флотилии, которой командует какой-то мерзавец.

– Только придурки верят рассказням бродячих торговцев, – сказал Камберленд. – Торговцы врут, как дышат, лишь бы слушатели поскорее раскрыли и опустошили свои кошельки. Пока я своими глазами не увижу эти твои неболёты, будем считать, что их нет, флотилия Линкона Поммола курсирует вдоль берега, а нам надо выиграть войну. Так что вперед.

Джолан начал складывать вещи в котомку, но тут заметил, что к нему подошел Виллем и стоит, смущенно почесывая

в паху.

– Тут это... мне б помочь...

– Погоди. – Джолан полез в котомку за мазью. – Спускай штаны. Посмотрим, что ты там подцепил.

Бершад



Терра, Море Душ

– А ты мне обещал рыбу, – укоризненно заявил Фельгор, постукивая пальцем по зажатому в кулаке сухарю. – Весь такой заносчивый, уверенный в себе, фу-ты ну-ты, в общем, как обычно, когда надо сделать то, что считается невозможным например, убить дракона или отрастить отрезанную ногу. И вот пожалуйста – утро наступило, а рыбы у Фельгора как не было, так и нет.

– Я тебе ничего не обещал.

– Обещал-обещал. Можно сказать, имплицитно гарантировал.

Бершад укоризненно посмотрел на Эшлин.

– Ну, импликация там все-таки присутствовала, – признала она.

– Спасибо за поддержку и лояльность, королева.

– Слепая лояльность не идет на пользу никому, драконьер.

– Плевать мне на вашу лояльность, – сказал Фельгор. – Я рыбы хочу! А то все Море Душ переплывем, а я так и не проснусь. Между прочим, всем известно, что длительный запор...

– Заткнись, – прошипел Джаку. – Нам сейчас не до твоего сортирного расписания, у нас неприятности побольше.

Он указал на юг, где три фрегата Линкона Поммола на всех парусах и на веслах шли вдоль берега.

– Черные небеса! – выругалась Хайден. – Ну вот опять.

Капитан начал выкрикивать приказы, матросы засуетились, полезли на мачты ставить паруса, травить шкоты и вращать валки. Мрачный Джаку направил корабль новым курсом.

Фельгор, не дожидаясь приказов, повалил набок тяжеленный бочонок сухарей и столкнул его за борт.

– Ты что, охренел, баларин?! – заорал Джаку.

– Надо избавляться от лишнего груза. Тогда корабль станет легче и прибавит ход.

– Эй, останови своего придурочного приятеля! – взмолился Джаку, оборачиваясь к Бершаду. – У преследователей попутный ветер. Вдобавок их фрегаты идут на веслах, в трюмах у каждого борта сидит по дюжине гребцов. Сбрасывать провиант за борт – все равно что ссать в море, надеясь приблизить прилив.

– Тогда давайте посадим Бершада на весла, – предложил Фельгор. – Он сильный.

– Таких силачей не бывает, – проворчал Бершад.

– А у нас и весел-то нет, – добавил Джаку.

Все уставились на фрегаты. Преследователи были в трех или четырех лигах от беглецов, но сокращали расстояние с пугающей быстротой.

– Почему они идут намного быстрее нас? – спросил Бершад.

– Говорю же, ветер попутный. – Джаку окинул взглядом берег. – А тут никаких укромных бухт и никаких проливов, ведущих вглубь архипелага. Спрятаться негде. Они нас нагонят, и если в придачу к гребцам у них есть еще и отряд воинов, то нам придется туго.

Хайден и ее вдовы уже взяли на изготовку пращи и обнажили клинки.

– Нам не впервой сражаться с превосходящими силами альмирцев.

Фрегаты выстроились атакующей формацией: два корабля – впереди, третий – немного позади. Бершад уже разли-

чал на палубах силуэты воинов, сверкающие мечи и копья.

– Эшлин, нам не обойтись без твоего демонического колдовства.

Вместо того чтобы размотать драконью нить на запястье, Эшлин указала на облачную полосу над фрегатом:

– Что это?

Все посмотрели туда. На фоне белого облака темнела точка, стремительно снижаясь с высоты.

– Еще один дракон? – спросил Джаку.

– Нет, он крыльями не машет. – Прищурившись, Бершад взгляделся в приближающееся пятнышко и похолодел.

– Это корабль из драконьих костей, – сказала Эшлин.

Неподвижные крылья на самом деле были длинными балками, торчащими из корпуса корабля, с привязанными к ним кожистыми парусами, наполненными ветром. Вместо мачт над палубой высился огромный раздутый мешок, соединенный сотнями канатов и тросов с корпусом, сделанным из странной мешанины металла и драконьих костей.

– Не может быть, – пробормотал Джаку. – Корабли – не воробы.

– Если десятитонный красноголов способен летать, то и корабль тоже, – заметила Эшлин.

– Это какая-то неправильная логика, – заявил Фельгор, перерубая растяжки, удерживающие на палубе еще один бочонок сухарей.

– Нет, это самая обычная транзитивность, – сказала

Эшлин.

– Транзи-что?

– Да забудь ты про логику, – сказал Бершад, не сводя глаз с корабля-неболёта. – Меня куда больше волнует, что именно он собирается делать, а не то, как он это делает.

Все следили за приближением корабля. Ветер утих, сменившись жутковатым штилем. Обвисшие паруса тихонько хлопали о мачту. Один из папирийских матросов нервно щелкал затвором арбалета.

Неболёт приблизился к первому фрегату и сбросил на него какой-то шар.

– Он обосрал их, что ли? – удивился Фельгор.

В следующий миг фрегат взорвался. Обломки дерева, обрывки парусов и горящие тела разлетелись над морской гладью, как горсть мелкой гальки, которую швырнули в озеро. Уцелевшие воины, сброшенные с палубы за борт, отчаянно били по воде руками, но тяжелые доспехи, надетые перед битвой, быстро утянули всех на дно.

Два оставшихся фрегата повернули в разные стороны, и вправду напоминая черепах, пытающихся улизнуть от голодного наги-душеброда. Неболёт снизился и пролетел между двумя фрегатами, осыпая их градом стрел. Ярко полыхнуло пламя, раздались взрывы, хотя и не такие мощные, как первый, и оба корабля тоже затонули.

– Взрывчатые стрелы, – пробормотала Эшлин.

Над морем витал запах горящего драконьего масла.

Неболёт снова набрал высоту и сменил курс, направляясь прямо к беглецам.

– Эшлин, надо бы...

– Знаю. – Она закатала рукав и направилась на корму. – Отойдите все подальше.

Неболёт был примерно в двух лигах от беглецов. Эшлин привычным рывком пропустила драконью нить через сжатый кулак, процарапав кожу до крови. Облако искр окружило вытянутую руку, на подставленную ладонь опустился клубок молний, шипя и потрескивая от напряжения. Как только неболёт приблизился на лигу, Эшлин метнула в него молнии.

Выпущенный разряд зигзагом расколол небо, ударил в нос корабля и растекся по корпусу. Никаких повреждений. Неболёт не изменил курса.

– Черные небеса, – выругалась Эшлин. – Нужен божий мох, чтобы увеличить силу заряда.

– Божьего мха у нас не осталось, – сказал Бершад. – Я съел последний комок, когда сражался с красно головами.

Все снова устались в небо.

– А пусть твой дракон на него нападет, – сказал Фельгор, указывая на серокрылую кочевницу, которая парила над берегом, следя за неболётом.

– Как это? – спросил Бершад.

– Ха, все знают, что дракон за тобой хвостом увивается, Сайлас. Вот и науськай его.

– Фельгор, это же не дрессированная собачка!

– Ну, у тебя в жилах драконья кровь или что-то в этом роде. Так что давай попробуй, – проворчал Фельгор.

Драконья кровь. Не совсем так, но не то чтобы совсем не так.

Бершад обернулся к Хайден. Вдова сжимала короткий меч, будто готовилась швырнуть его в неболёт.

– Дай-ка сюда.

Бершад схватил протянутый клинок и вспорол себе ладонь.

– Ты что задумал? – спросила Эшлин.

– Самая обычная транзитивность, королева, – ответил он, дожидаясь, пока в горсти не наберется целая лужица. – Когда ты прикладываешь к своей драконьей нити божий мох, то можешь уничтожить целое войско. А как нам известно, между моей кровью и божьим мхом тоже существует какая-то связь.

– Ага, известно, – буркнул Фельгор. – От божьего мха у тебя отрастают отрубленные ноги.

– Так вот, давай проверим, что произойдет, если смазать драконью нить моей кровью. – Бершад вытянул окровавленную руку и заметил сомнение во взгляде Эшлин. – Все равно ведь через минуту погибать.

– Ладно, – согласилась Эшлин, подставляя ему запястье.

Бершад растер свою кровь по ее предплечью. Как только он коснулся Эшлин, все его тело завибрировало от разряда энергии.

Новое облако ярких искр облепило руку Эшлин, а потом разряды взбежали к плечу и обволокли все тело, с головы до пят; волосы встали дыбом и зашевелились.

– О боги, – прошептала Эшлин, пораженная нахлынувшей силой.

Бершад отступил на шаг. Драконья нить раскалилась добела, будто обломок железа, который провел много часов в кузнечном горне. Кожа запястья Эшлин зашкворчала, на Бершада пахнуло жареным мясом.

– Эшлин! – встревожился он.

Она не ответила. Из приоткрытого рта вырвался стон – то ли от боли, то ли от экстаза. Глаза остекленели.

Неболёт был уже в двух сотнях локтей над палубой их судна.

– Эшлин!

Она вздрогнула и направила руку на приближающийся летучий корабль. Выпустила молнии.

Яркая вспышка. Ужасающий грохот. Ослепительный свет застил глаза.

Что-то раскатисто затрещало, как будто весь мир был деревянным и его разломали пополам.

Когда к Бершаду вернулось зрение, оказалось, что неболёт, объятый огнем, падает в море.

Молнии, лучившиеся из тела Эшлин, исчезли, как пламя задутой свечи. Эшлин обмякла, и Бершад подхватил ее на руки как раз тогда, когда горящий неболёт рухнул в воду. В

тот же миг огромная волна, хлынув через борт, окатила всех на палубе.

– Эшлин... – Бершад дотронулся до ее щеки; холодные капли морской воды быстро испарялись с разгоряченной кожи. – Что с тобой?

Эшлин открыла глаза. Сглотнула. Поморщилась. Коснулась горла:

– Все в порядке. В глотке дерет.

Бершад подозвал Хайден, взял у нее фляжку, напоил Эшлин. Она жадно заглатывала воду.

– Хоть что-то получилось? – наконец спросила Эшлин.

Бершад взглянул влево, где дымящийся остов сожженного неболёта быстро погружался под воду.

– Получилось.

– Других неболётов нет?

Все обшарили взглядами опустевшее небо. Серокрылая кочевница по-прежнему следовала за ними, ничуть не встревоженная ни молниями Эшлин, ни уничтожением летучего корабля.

– Все чисто.

Эшлин встала и посмотрела за борт, на дымящуюся грудку драконьих костей. Сощурила глаза, задумалась. Бершад покосился на ее руку. Дочерна обгоревшая драконья нить вплавилась в обожженную кожу Эшлин.

– Надо бы ее как-то снять, – заметил Бершад.

– Боюсь, это невозможно, да и времени у нас нет. – Эшлин

притронулась к ожогу рядом с закопченной нитью, поморщилась от боли. – Проще наложить повязку. Но прежде всего надо спасти как можно больше обломков неболёта, пока все не затонуло.

– Зачем? – спросил Джаку. – Он же разрушен.

– Вряд ли это первый и единственный летучий корабль на всей Терре, – сказала Эшлин. – Но это первый и единственный неболёт, который я смогла уничтожить с помощью этой нити. Я обязана разобраться в его устройстве.

До самых сумерек Джаку и его команда вылавливали обломки из воды, пока Эшлин наконец не решила, что накопилось достаточно. Она отобрала из груды какие-то предметы и унесла их в каюту, где целых два часа сосредоточенно изучала добытое.

– Это явно баларская работа, но механизмы гораздо сложнее, чем обычные баларские часы, подъемные механизмы и всякая сантехника, – наконец сказала она Бершаду, поглаживая пластину, вырезанную из ребра громохвоста и утыканную стальными болтами; рядом лежал обугленный драконий череп с прикрепленными к нему шестеренками, клапанами и поршнями. – Мерсер Домициан ничего подобного не конструировал. Интересно, кто все это изобрел?

– По-моему, до этого додумался тот же мудака, который построил по заказу императора катапульты для массового уничтожения драконов, – сказал Бершад. – А еще отрезал мне ноги в своем подземелье.

– Озирис Вард. – Эшлин кивнула. – Логично.

Бершаду совсем не хотелось вспоминать о пережитом.

– И что ты можешь сказать про эти механизмы?

– Они работают на драконьем масле, – объяснила Эшлин. – Вот эти трубки наверняка соединяются с двигателем – в одной видны следы драконьего масла, другая явно повреждена паром. Для того чтобы корабль держался в воздухе, необходима мощная двигательная установка, которая потребляет огромное количество драконьего масла. Но меня больше волнует не это.

– А что?

Она снова посмотрела на обломки:

– Костяк неболёта составлен из драконьих скелетов, потому что это единственный материал на Терре, который и достаточно легок для воздухоплавания, и способен выдержать напряжение, создаваемое двигателями при полете. Однако я не понимаю, как ему удалось остановить разложение драконьих костей. Единственный известный мне образец законсервированной кости я видела у тебя – твой кинжал из драконьего клыка. Как тебе удалось его изготовить?

Этот же вопрос Эшлин задавала Бершаду прошлой весной, когда отправляла его на убийство императора Баларии. Тогда Бершад ей солгал, потому что не хотел, чтобы она знала, кто он такой и на что способен. Но теперь не было смысла держать это в секрете.

– С помощью моей же крови, – ответил он. – Серокры-

лый кочевник цапнул меня за живот. Клык застрял в кишках. Роуэн его выдернул, отшвырнул в сторону и занялся раной. Клык, перепачканный моей кровью, угодил в котомку и провалялся там несколько дней. Потом я его обнаружил и заметил, что он размягчился, но не загнил. Я смыл кровь и заточил клык. После этого он снова затвердел, и с тех пор на нем не появилось ни царапины.

Бершад умолк. Ему невольно вспомнился Роуэн, а потом и убийца Роуэна. Мерзавец Валлен Вергун. Тот самый, кто отобрал у Бершада кинжал из драконьего клыка.

– Значит, твоя кровь законсервировала клык серокрылого кочевника. А теперь самка серокрылого кочевника следует за тобой через Море Душ.

– Мне всегда нравились кочевники, – сказал Бершад. – Наверное, я им тоже нравлюсь.

Эшлин не рассмеялась, а сосредоточенно наморщила лоб:

– Кровь... В общем, способ понятен, но вот объем...

– Что ты имеешь в виду?

– Сам посуди... – Эшлин указала на драконьи кости. – Не станет же Озирис Вард вспарывать живот таким, как ты, когда ему понадобится очередная кость.

Бершад пожал плечами:

– Этот псих еще и не на такое способен. Он запросто калечит людей. Вдобавок он упоминал, что на свете есть другие, такие как я... по его выражению, завязи.

– Но таких вряд ли много, ведь иначе алхимики знали бы

о влиянии божьего мха на человеческое тело. А если этот феномен почти никому не известен, значит он чрезвычайно редко встречается. Однако же, судя по всему, Озирис Вард законсервировал десятки драконьих скелетов. Или даже сотни. – Эшлин осеклась, склонила голову, закрыла глаза и потерла виски. – Невероятно! Это просто невозможно представить.

– Десять лет назад ты не могла представить, что с помощью спинного волокна призрачного мотылька будешь кидаться молниями.

– Верно. Но здесь, в трюме, среди драконьих костей и металлических шестеренок, все это никак не поможет мне разобраться, как именно создан неболёт.

Эшлин вздохнула, коснулась своей перебинтованной руки, поморщилась от боли.

– Как ты вообще себя чувствуешь? – спросил Бершад, пытаясь отвлечь ее от тяжелых мыслей.

Эшлин отвернулась от груды костей и металла, осторожно размотала повязку. Драконья нить впиалась в руку, как корни тысячелетнего дайна в землю. Кожа вокруг закопченной нити побагровела и покрылась волдырями, но остальная рука выглядела здоровой.

– Такое ощущение, что кость сплавилась с чем-то чужеродным. – Она ковырнула ногтем кожу у самой нити; выступила кровь. Эшлин размазала алую каплю по закопченной нити и несколько раз согнула руку; ничего не произошло. –

Удалить нить невозможно. Но и разрядов молнии больше не получится.

– Значит, моя кровь уничтожила свойства нити? – Бершад плеснул охлажденное рисовое вино в чашу и протянул ее Эшлин.

– Не уничтожила, а изменила, – ответила она, пристально разглядывая свое запястье. – Нить больше не создает молний, но я ощущаю ее энергию в костях. Как жар. Это кое-что объясняет.

– Что именно?

– Нити разогревают кровь призрачных мотыльков, потому драконы этой породы и гнездятся на зимовьях в северных пределах Терры. Там же зимуют и наги-душеброды, но они зарываются в подземные берлоги, где теплее, и впадают в спячку. А во время спячки кровь у них загустевает.

Эшлин умолкла, провела пальцем по зигзагообразным шрамам над жилами на предплечье. Там, где шрам пересекался с нитью, синеватый рубец почернел.

– Если бы нечто подобное случилось два дня назад, я бы обрадовалась. Все, что произошло в Незатопимой Гавани... все эти тысячи погибших... Я убила их в считанные секунды. И красноголова тоже. Никто не должен обладать такой силой, хотя она и спасла нам жизнь. Но сейчас, когда появились эти неболёты... Мне очень нужна действующая нить. Но ее больше нет.

Оба помолчали. Высоко в небе серокрылая кочевница по-

пала в бурный поток холодного воздуха и попыталась взлететь повыше. От ее отчаянных усилий желудок Бершада болезненно сжался. Бершад поморщился.

– Что с тобой? – спросила Эшлин.

– Не со мной, а с драконихой. – Он указал на потолок. – Поднялся сильный ветер, а она старается держаться вровень с нами, не хочет отставать.

Эшлин сощурила глаза:

– Послушай, я уже долго терплю твоё враньё и уклончивые отговорки. Надеяться, что ты дашь прямой ответ на вопрос, – всё равно что рвать зубы у козла, но мне просто необходимо знать абсолютно всё, что рассказывал тебе Озирис в своём подземелье. И чем скорее, тем лучше.

– Почему?

– Потому что всё это взаимосвязано. Твоя кровь консервирует драконьи кости. На нас напал неболёт, построенный из огромного количества драконьих костей. И в центре всего этого – Озирис Вард. Я должна знать всё, что знает он. Помоги мне.

Бершад замялся. То, что за ним увязалась самка серокрылого кочевника, не особо разрушало его мечту о безмятежной жизни с Эшлин на каком-нибудь далеком островке. Но флотилия неболётов под командованием Озириса Варда ставила под угрозу все планы о покое и о счастливом будущем.

– Говорю же, старик не вдавался в подробности.

– Давай без подробностей.

Бершад отпил рисового вина.

– Озирис обозвал меня парадоксом. Сказал, что я создатель и разрушитель драконов. – Он пожал плечами. – Я решил, что в конце концов превращусь в дракона.

– Нет, не превратишься.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что драконы – рептилии. Они спариваются, откладывают яйца, из яиц вылупляются дракончики, и цикл продолжается. В нем нет места для чудесного человеческого преобразования. У природы свои непреложные законы.

– Сначала ты требуешь ответов, а потом обсираешь то, что я тебе рассказываю.

– Я должна знать все, что рассказал тебе Озирис. Выкладывай.

Бершад скрипнул зубами:

– Тебе не понравится.

– Все равно, я должна это знать.

Бершад вздохнул:

– По его словам, та же сила, что долгие годы сохраняла мне жизнь, в конце концов меня погубит. Не знаю как. Знаю только, что это неизбежно. И очень болезненно. И когда это случится, тебе лучше держаться подальше от меня.

Эшлин заморгала. Отвела глаза. Кашлянула. Потом сказала напряженным голосом:

– Продолжай.

– А продолжать-то и нечего. После этого Озирис Вард на-

чал отрубать мне всякие части тела и делать какие-то записи.

– Это очень полезные сведения. Для меня очень важно, как твое тело реагирует на боль.

– Ага. И в конце концов оно меня и убьет.

– Ох, Сайлас! – Она шагнула к нему.

– Не надо, – сказал он. – Если ты расчувствуешься до розовых соплей, я сразу пойму, что мне хана.

– Ничего подобного.

– Откуда ты знаешь? Ты же не догадываешься, что со мной происходит!

– Потому что в Альмире, когда я только начала изучать драконью нить, то чувствовала себя девчонкой, которая забрела в мелкий пруд и притворяется, что понимает океан. Тогда я остро ощущала свою неадекватность, но теперь все изменилось. Может, я и не выяснила, как действуют и как взаимосвязаны между собой все системы этого мира, но научилась распутывать их секреты, постепенно, раз за разом. – Она помолчала. – Я найду способ тебе помочь, Сайлас. Обещаю.

Инстинктивно Бершад хотел ответить, что все это не важно и что он готов отправиться в последний путь по реке, как только его подхватит течение. Именно так он начал относиться к жизни с тех пор, как много лет назад получил свой первый смертный приговор. Но, по правде говоря, теперь, когда он снова был с Эшлин, выяснилось, что совсем неплохо было бы провести еще несколько лет на Terre. Поэтому

вместо ответа Бершад поцеловал Эшлин – нежно, ласково, чувствуя у нее на губах вкус рисового вина и морской воды.

– Я тебе верю, – сказал он. Он и впрямь ей верил. Он погладил ей плечи, обхватил ладонями ее бедра. – Но прежде, чем разбираться с моей проклятой кровью и с моей проклятой участью, хорошо бы разобраться с этими неболётами.

Она придержала его руки, не давая им двинуться ниже.

– Говорю же, все это взаимосвязано.

Вира

Балария, Бурз-аль-дун, императорский дворец

– Ганон, ты жив? – ласково спросила Каира.

Вместо ответа баларский император блеванул в фарфоровый унитаз – третий раз за утро.

– Похоже, он там еще задержится. – Каира отошла от двери в уборную, уселась в мягкое кресло у окна и опустила ложечку из драконьей кости в чашку чая. Отпила глоток и снова принялась читать какие-то бумаги.

Пока они дожидались появления императора, Вира беспрерывно скользила взглядом по дверям и альковым королевских покоев, в такт часам, подрагивавшим на внутренней стороне запястья. Вообще-то, Вире не нравились всевозможные баларские изобретения: по большей части они были шумные, изрыгали пар и пахли горящим драконьим маслом. Но синхронизированные часы на наручах воинов баларской армии были очень полезны, позволяя сотням и тысячам солдат организованно осуществлять совместные действия как в городе, так и во всей империи.

Единственной проблемой было громкое тиканье. Вира его не выносила, потому что звук с легкостью выдавал врагу твое местоположение. Она пожаловалась на это Озирису Варду, и через неделю тот вручил ей особые беззвучные часы – они отмечали время едва заметной пульсацией, легко ощутимой кожей запястья.

Хотя Виру и учили ни в коем случае не полагаться на какое-нибудь одно орудие или оружие, ей неохотно пришлось признать, что часы все-таки приносят пользу.

– Ты когда-нибудь прекратишь озираться? – спросила Каира, перевернув страницу.

– Нет, императрица.

– Но ведь здесь нет никого, кроме нас.

– Ты просто думаешь, что здесь нет никого, кроме нас, хотя полностью в этом не уверена, – сказала Вира.

Она поправила меч за спиной – старый клинок Бершада.

Не самое удобное оружие для боя в узких коридорах и дворцовых покоях, но меч нравился Вире куда больше, чем пульсирующий наруч. Папирийский клинок напоминал ей о доме.

Вдобавок для ближнего боя и узких коридоров Вире вполне подходили ее верные кинжалы – Овару и Кайса.

Ганон еще раз блеванул, выругался, сплюнул, дернул цепочку механического слива и немного погодя вышел из уборной.

У императора были воспаленные глаза, бледная, покрытая испариной кожа и встрепанные, слипшиеся от пота волосы. Однако же, несмотря на все признаки тяжелого похмелья, невозможно было отрицать, что Ганон Домициан – невероятно привлекательный мужчина. Орлиный нос и светлые глаза вкуче создавали отточенную симметрию, в сравнении с которой обычные лица выглядели перекошенными.

Впрочем, проведя всего несколько месяцев в Баларии, Вира уяснила, что за потрясающей красотой императора скрывается характер, который оставляет желать лучшего.

– Я еще посплю. – Ганон улегся на громадную кровать посреди комнаты и накрылся толстыми одеялами.

– Вот-вот начнется военный совет, – напомнила ему Каира. – Получены известия о боевых действиях армады за рубежом.

– А еще один военный совет соберется на следующей неделе. И вообще, военные советы проводятся один за дру-

гим, с тем же постоянством, с каким Этернита передвигает по небосводу солнце и луну.

Каира отпила чаю, поджала губы.

– Ганон, я так надеялась, что именно на сегодняшнем совете ты задашь несколько важных вопросов.

Предыдущим вечером Каира пила наравне с Ганоном, а под конец даже подзадоривала его пропустить еще по рюмочке, но в отличие от супруга лицо императрицы было свежим, а глаза – ясными. Даже после самой разгульной пирушки она обходилась лишь парой часов сна, а наутро подбадривала себя чашкой крепкого чая. Вот и сегодня она проснулась на заре и уже три часа изучала документы, доставленные вместе с завтраком.

– Я не намерен задавать какие-либо вопросы. Пусть Актус разбирается со всей этой хренью. Ради этого я и назначил его главнокомандующим. – Ганон приоткрыл налитый кровью глаз и растянул губы в похотливой ухмылочке. – А почему бы тебе тоже не прилечь? Ты же знаешь, какой я с похмелья?

– Знаю, – ответила Каира. – Ты заботишься только о своем удовольствии, а о моем забываешь.

Ухмылочка исчезла.

– Так что давай я схожу на совет вместо тебя, – предложила Каира.

Ганон задумался. Вот уже несколько недель она отправляла его на заседания правительственного совета со списком

всевозможных вопросов, пытаюсь разобраться в работе ба-ларского бюрократического аппарата. Как правило, импера-тор возвращался без ответов или, в лучших случаях, с об-рывочными объяснениями, но Каире было довольно и этого. Вдобавок она никогда прежде не выражала желания лично побывать на совете.

– Актусу это не понравится, – сказал Ганон.

– Актус Шип служит тебе, а не ты ему, – напомнила Каи-ра и встала. – Кстати, не понимаю, зачем ты дал ему такую власть. Если лишить его поста, то можно...

– Еще раз начнешь нудить, что Актуса надо снять с поста, отправлю тебя в клоаку.

Услышав угрозу, Каира надменно выпрямилась, но боль-ше ничем не выказала своего раздражения.

– Я все поняла, мой дражайший супруг. И все же кто из нас пойдет на совет?

Ганон со вздохом зарылся поглубже под одеяла.

Каира скрестила руки на груди:

– Ну, что скажешь?

– Ладно. Ступай, поиграешь в императрицу. Только без эксцессов. Кстати, прикажи слугам, чтобы принесли мне че-го-нибудь тонизирующего. С имбирем, – заявил он и доба-вил: – А еще можжевелевой водки.

– Может, хватит уже ходить за мной тенью? – сказала Ка-ира Вире, идя по дворцовому коридору. – Иди рядом, как

обычные люди.

– Я – не обычный человек, – ответила Вира. – Я твоя вдова.

– За всю великую и славную историю твоего ордена сколько вдов, кроме тебя, побывало в Бурз-аль-дуне?

– Ни одной.

– В таком случае, раз уж мы с тобой первые и единственные в своем роде, можно и не соблюдать освященную веками традицию церемонного шествования по дворцовым коридорам.

Вира неохотно зашагала рядом со своей подопечной. Мимо пронесся сухопарый инженер с пальцами в чернильных пятнах, а за ним семенил помощник с кипой документов в руках. В одной из ниш перешептывались министры в роскошных одеяниях. Два хореллианских стража из личной гвардии императора Баларии патрулировали периметр дворца, вооруженные мечами и копьями. Оба с неодобрением покосились на Виру, очевидно опасаясь конкуренции.

– Ты слишком явно выказываешь Ганону свое презрение, – укоризненно заметила Каира.

– Вот уже в третий раз за неделю он с перепоею отлеживается в постели.

– По-твоему, я выбрала себе недостойного супруга?

– По-моему, ты заслуживаешь спутника жизни, способного держать себя в руках.

– Это скучно. А когда Ганон в хорошем настроении, он

просто прелесть. Только он знает, как меня рассмешить.

Вира промолчала, хотя и считала, что чувство юмора не затмевает многочисленные недостатки Ганона.

– Зато если бы Ганон был таким же суровым и рассудительным, как его старший брат, то мы с тобой сейчас не шли бы на совет, – продолжила Каира. – И у нас не было бы поводов для веселья.

– Кстати, что за документы ты читала все утро? – спросила Вира.

Каира отличалась острым умом, но не любила изучать реестры и отчеты. Ее больше интересовали дворцовые сплетни и интриги.

– Да так, ничего интересного. Сводки министерства сельского хозяйства о распределении и выдаче продовольствия. Ради них вчера мне пришлось целый час флиртовать с помощником министра. Оказывается, чиновники с тощими ручонками на удивление крепко цепляются за свои бумаги, что весьма досадно.

– А зачем тебе это?

– Увидишь, – с хитрой улыбкой сказала Каира.

– Поосторожнее с Актусом Шипом, – предупредила ее Вира. – Ганон даровал ему титул премьера, что подразумевает неограниченные полномочия.

– По-твоему, в присутствии мужчин с неограниченной властью я веду себя неосмотрительно? – спросила Каира.

Вира невольно улыбнулась:

– Нет, императрица.

– Не волнуйся, я буду соблюдать абсолютно все правила приличия. – Она умолкла, на миг сложив губы в счастливую улыбку, которая, как хорошо знала Вира, означала, что Каира замышляет что-то хитроумное. – Но для начала мне надо, чтобы вельможи напряглись. Появление моей непобедимой зловещей вдовы – как раз то, что нужно. Ты готова?

– А может, не стоит?

– Если их напугаешь ты, то мне не придется им угрожать.

Вира вздохнула, соглашаясь с логикой задуманного.

– Что ж, императрица, я готова изобразить угрозу.

Вира так резко распахнула дверь и так решительно ворвалась в зал заседаний, что пятеро хореллианских гвардейцев, вытянувшись по стойке смирно у большого стола, тут же схватились за клинки. За столом сидело четверо: премьер Шип, военный министр Локс, министр сельского хозяйства Корнелиус и Озирис Вард, загадочный имперский инженер, создатель баларской армады неболётов.

Актус Шип уставился на Виру, сцепив зубы и сжав кулаки. В мускулистых руках и широкой груди все еще была заметна сила пехотинца. Актус Шип дослужился до самого высокого звания в баларской армии и получил самый высокий пост в имперском правительстве.

Вира окинула зал пронизательным взглядом. Здесь и без того было слишком много стражников, да и Актус всегда по-

являлся в сопровождении гвардейцев. За ними придется следить.

– Премьер, министры! Императрица Каира Домициана соизволила удостоить вас своим присутствием.

Вира отступила на шаг вправо, пропуская Каиру в зал, а затем пошла следом за ней – в двух шагах позади и в шаге вправо. Обычно вдовы держались слева от подопечных, потому что большинство мечников – правши и с левой стороны легче отразить нападение. Но Вира точно знала, что Актус Шип, самый опасный человек в зале, был левшой.

– Как вы заметили, Вира очень серьезно относится к своим обязанностям, – сказала Каира, занимая пустующее кресло, предназначенное для ее супруга. – Что я пропустила?

Министр Корнелиус откашлялся:

– Императрица Домициана, прошу прощения, но, по-моему, император...

– Ганон вчера выпил лишнего, поэтому вместо него пришла я. Но похоже, вы не стали дожидаться ни императора, ни тем более меня. – Каира улыбнулась. – Так что, пожалуйста, продолжайте.

Военный министр Локс взглянул на Актуса – убедиться, что тот не возражает. Недовольный премьер жестом велел ему продолжать.

– Мы обсуждали присланное армадой донесение о первом сражении с альмирским флотом.

– Великолепно. Мне не терпится узнать, что произошло.

– Операция проведена успешно, – с гордостью заявил военный министр Локс. – Линкон Поммол отправил папирийскую флотилию, захваченную у вашей сестры, патрулировать восточное побережье Альмиры. Неболёты рассеялись вдоль побережья и сожгли весь флот дотла. Особенно отличились лучники: дальность полета их взрывчатых стрел – нечто невероятное. Даже самые быстроходные корабли не смогли ускользнуть.

– Понятно. А у нас есть потери?

– Один неболёт не вернулся с задания, – сказал Локс. – Его отправили к островам Надломленного полуострова, где нередки шторма. Предположительно он попал в бурю и потерпел крушение. Неболёты – мощное оружие, но, к сожалению, не всегда справляются с атмосферными условиями. Однако же мы потеряли лишь один летучий корабль из тридцати, зато уничтожили весь альмирский флот. Так что, императрица, это беспрецедентная победа.

– И беспрецедентные расходы, – хмуро добавил Актус Шип, обернувшись к Озирису Варду, который задумчиво глядел в окно на гигантскую центровую шестерню, безостановочно и размеренно вращавшуюся посреди императорского дворца. – Вард, а можно снизить расход драконьего масла в неболётах? А то они его хлебают, будто свиньи – помои.

Озирис повернулся к столу и с холодным презрением взглянул на генерала Актуса – так питон, собравшийся заглотив крысу, оценивает ее размер.

– Все можно, премьер. Но поскольку Мерсер Домициан в своей прозорливости планировал, что баларская экономика будет обеспечена практически неисчерпаемыми запасами драконьего масла, в мою задачу не входило создание топливосберегающего двигателя. Гораздо важнее было добиться стабильности воздушных мешков, и в итоге их расположили над палубой, а не под распорками крыльев. Подобная улучшенная конструкция и стала причиной того, что мы потеряли не всю армаду, а один-единственный неболёт.

– Мерсер Домициан погиб, а вместе с ним сгнули и его планы. – Актус подался вперед. – Из-за нехватки драконьего масла неболёты разобьются на полпути при исполнении следующего задания. Так что теперь самое важное – сконструировать улучшенный двигатель.

– Что ж... – Озирис потер узловатые ладони. – Между прочим, два моих лазутчика недавно обнаружили в Незатопимой Гавани сведения, которые помогут мне создать более эффективное устройство.

Каира кашлянула:

– В Незатопимой Гавани? А твои лазутчики узнали что-нибудь об Эшлин?

Актус Шип недовольно покосился на нее, но выражение лица Варда смягчилось. Вира заметила, что Озирис Вард, хотя и любил досаждать Актусу Шипу и его министрам, относился к Каире с несвойственными ему добротой и терпением, несмотря на ее весьма ограниченную сферу влияния. Все

это вызывало у Виры определенные подозрения.

– Да, императрица, – ответил Вард. – Судя по всему, Эшлин Мальграв погибла в битве у Незатопимой Гавани. Других сведений у нас нет. – Он склонил голову. – Мои заболевания, императрица.

– Жаль. – Каира закусила губу. – А правда, что она уничтожила все войско Седара Уоллеса демонскими чарами? Вчера на пиру только об этом и говорили.

– Демонские чары – безграмотное и бессмысленное определение, – сказал Озирис Вард.

– И все же. Очевидно, она использовала какой-то новый тип энергии, – не унималась Каира. – Ты не знаешь, какой именно?

– Да, я кое о чем догадываюсь, – улыбнулся Озирис Вард. – И как я уже сказал, моим лазутчикам удалось раздобыть некоторые материалы ее исследований. Однако эти разработки очень сложны, для их тщательного изучения требуется время. – Он обернулся к Актусу. – Если мне вернут мою лабораторию и доставят туда новые образцы, дело пойдет быстрее.

– Твоя лаборатория – настоящая живодерня, – сказал Актус Шип. – Слуги, расчищавшие подвалы после пожара, отказываются туда возвращаться. Даже не верится, что все эти ужасы творились во дворце с позволения Мерсера, пусть даже и в подземелье.

– Мерсер Домициан понимал, что таков путь к прогрессу.

В этом и заключается проблема военных и чиновников: вы пользуетесь плодами моих исследований, но брезгливо морщитесь, видя, как все создается. Если хочешь получить улучшенный двигатель, верни лабораторию и не мешай мне работать.

Актус скрипнул зубами:

– Объясни, как все твои измышательства над несчастными тварями в темных подвалах помогут создать двигатель, потребляющий меньше драконьего масла в небесах?

– А никак. Зато в конце концов они приведут к созданию двигателя, который вообще не потребляет драконьего масла. Не знаю, каким образом на поле боя Эшлин Мальграв исхитрилась получить доступ к источнику чистой энергии... Можно сказать, чистейшей.

К удивлению Виры, последнее слово Вард произнес с заметной завистью, хотя обычно презрительно отзывался о достижениях окружающих.

– В таком случае почему Эшлин погибла? – спросил Актус Шип.

– Некоторые утверждают, что ее испепелила эта самая энергия. Выжгла дотла. На самом деле все было гораздо проще. Эшлин одержала победу в сражении, а Линкон Поммол предал ее и убил. И теперь его воины повсюду этим похваляются.

– Поэтому нам следует отпраздновать уничтожение его флота, – заявил Локс, стараясь привлечь внимание к себе,

потому что остальные собеседники словно бы забыли о его присутствии.

– Тем не менее альмирцы восприняли это как враждебные действия Баларии, – сказала Каира. – Так ли уж необходимо было уничтожать корабли Поммола?

– Императрица, вы не имеете права подвергать сомнению мои приказы, – с нажимом сказал Актус Шип, подавшись вперед. – Ваш супруг наделил меня абсолютной властью над армией и правительством. Я действую так, как считаю нужным.

– Разумеется, премьер. Я ни в коем случае не ставлю под сомнение ни вашу мудрость, ни ваше воинское мастерство, а просто хочу понять, в чем здесь дело. Не угодно ли вам просветить юную несмышленную императрицу?

Актус Шип сменил угрожающую позу на расслабленную и откинулся на спинку кресла:

– Нападение на Альмиру понадобилось по двум причинам. Во-первых, альмирцев следовало примерно наказать за убийство императора Мерсера Домициана. Возможно, сам Линкон Поммол и не был заказчиком убийства, но ему пришлось дорого заплатить за беспричинную агрессию Эшлин Мальграв. А во-вторых, боевые качества неболётов необходимо было испытать в относительно легком бою, прежде чем отправлять армаду в Листирию.

Как только известие о смерти императора Мерсера докатилось до Листирии, там вспыхнул мятеж. Бунтовщики раз-

громили семь гарнизонов, а целый баларский полк пропал без вести – вполне возможно, что его постигла участь флотилии Линкона.

– Благодарю за весьма исчерпывающее объяснение, премьер Шип, – сказала Каира, не обращая внимания на снисходительный тон генерала. – Вы помогли мне осознать смысл ваших действий. А когда неболёты отправятся в Листирию?

– Это зависит от целого ряда причин. – Актус Шип повернулся к Озирису. – Когда будут готовы новые мундиры?

– Когда я завершу работу над термическими прокладками, необходимыми для полетов на большой высоте в условиях суровых листирийских зим, – ответил Озирис Вард. – Решение этой сложной проблемы займет некоторое время и...

– Чем быстрее, тем лучше, – перебил его Шип. – Как только неболёты вернутся из Альмиры, я отправлю их подавлять мятеж.

– Армада все еще в Альмире? – удивилась Каира.

– Да, императрица. Неболёты не просто так задержались у вас на родине. Вам известно о нехватке продовольствия?

– Вчера на пиршестве я беседовала с одним из министров, который упомянул что-то о спорынье злаковых культур в Галамаре... – Последние слова Каира произнесла медленно, чуть ли не по слогам, будто не понимая их смысла.

– К сожалению, проблема не только в скудных урожаях, – сказал Корнелиус, министр сельского хозяйства.

Вире нравился Корнелиус, потому что в отличие от гене-

рала Актуса и министра Локса он никогда в жизни не держал в руках ничего опаснее столового ножа. Тем не менее, если бы Корнелиус и попытался угрожать императрице, Вира не раздумывая всадила бы ему кинжал в сонную артерию.

– А в чем еще? – спросила Каира.

Министр откашлялся:

– Восьмой и Девятый торговые кварталы Бурз-аль-дуна обеспечиваются зерном из галамарской Портовой провинции. К несчастью, в этом году именно там свирепствует голод, поэтому объемы поставок существенно снизились. – Корнелиус облизнул губы; теперь, когда беседа касалась торговых отношений, он заговорил гораздо увереннее: – Запасов зерна хватит еще на месяц. Может быть.

– Всего на одну луну? – От изумления Каира использовала родной альмирский оборот. – А Мерсер об этом знал?

– Покойный император Мерсер Домициан знал о возможной нехватке продовольствия. А я известил императора Ганона сразу же после коронации. Увы, он, э-э...

Корнелиус осекся, опасливо взглянул на Каиру, потом на Виру – в ее присутствии баларские чиновники начинали нервничать. Вире это нравилось. Если умело применять тактику устрашения, то можно обойтись и без стальных лат.

– Корнелиус, не волнуйтесь. – Каира одарила его ласковой улыбкой, из тех, с помощью которых располагала к себе альмирских вельмож на всевозможных пирах в Незатопимой Гавани; министр растаял, как комок драконьего жи-

ра в пламени очага. – По правде говоря, все мы хорошо знаем, что моему супругу-императору совершенно неинтересно править Баларией. Поэтому он и не явился на сегодняшний совет. Именно поэтому он и назначил Актуса Шипа премьером для руководства страной. Однако же меня волнуют проблемы государства и власти. Необходимо обеспечить народ продовольствием. Как обстоят дела с поставками из других галамарских провинций?

Корнелиус снова кашлянул:

– Императрица, увы, но весь Галамар находится в таком же прискорбном положении.

– А Листирия?

– Там мятежи, а продовольствия тоже нет.

– Мятежи как раз и начались из-за неурожая, – нетерпеливо вмешался Актус Шип. – Да и вообще, нехватка продовольствия остро ощущается во всей империи.

– Во всей империи... – повторила Каира. – Понятно. Значит, есть и третья причина, по которой неболёты задержались в Альмире. Вы хотите захватить урожай, собранный в сезон Ясных Небес.

– Совершенно верно, – сказал Актус. – Сейчас, когда в небе над Альмирой не осталось ни одного дракона, альмирские крестьяне собирают вдесятеро большие урожаи, чем до Великого перелета. Я приказал армаде захватить все продовольственные запасы Альмиры. Эта временная мера позволит обеспечить жителей Баларии продуктами на целый год.

– Не понимаю, почему бы нам не завоевать Альмиру, – задумчиво протянул Корнелиус.

– Потому, болван, что ты ничего не понимаешь в войне, – отрезал Актус. – С виду альмирцы – грязные дикари, но их воины – лучшие во всей Терре. Ты когда-нибудь пробовал воевать с людьми, которые всю жизнь учатся убивать?

– Нет, – прошептал Корнелиус.

– А мне вот довелось, – сказал Шип. – Тридцать лет назад, во время вторжения в Альмиру, я видел, как воин с распоротым животом несколько часов отражал наши атаки. На его месте любой баларский солдат выл бы от боли и звал мамку, а потом бесславно издох бы в куче собственного дерьма. А этот гад косил балар, как траву, направо и налево. В любой альмирской долине, на каждом пригорке и в каждом замке полным-полно таких убийц. По-твоему, сейчас, когда в Баларии свирепствует голод, а северные провинции бунтуют, мы должны еще и покорять Альмиру?

Корнелиус покраснел от смущения и промолчал.

– Ничего, придет время, и мы завоюем Альмиру, – продолжил Шип. – Но сначала добудем продовольствие и оставим один неболёт патрулировать западное побережье, чтобы туда не высадились папирийцы.

– Неужели Окину открыто ввяжется в войну? – спросил Локс.

– Вполне возможно, учитывая, что у нее прочные связи с Альмирой. Если Папирия захочет помочь своим аль-

мирским союзникам, то, разумеется, высадит свои войска именно на западном побережье. Именно это и необходимо предотвратить. – Актус Шип повернулся к Озирису. – И обещанные неболёты с улучшенными двигателями станут в этом большим подспорьем.

– Да-да, конечно, – сказал Озирис.

Каира негромко кашлянула.

– Премьер Шип, я законная наследница альмирского престола. Нельзя ли найти выход из положения с помощью дипломатии?

– Очень разумное предложение. Между прочим, именно дипломатическими методами и пытался воспользоваться император Мерсер Домициан, когда с риском для жизни отправился в Альмиру, чтобы заключить ряд торговых соглашений с Эшлин Мальграв. Но тут вы с Ганоном устроили свои дебильные любовные игрища и в итоге свели на нет все усилия императора.

Вира выступила вперед, сжимая рукояти кинжалов. Хореллианские гвардейцы за спиной Актуса сделали то же самое.

– Придержи язык, Шип.

– Угомонись, вдова! Если попробуешь обнажить клинок, то вы с императрицей мигом отправитесь в последний путь к морю. – Он небрежно махнул гвардейцам и обернулся к Каиру. – Чем меньше ты будешь вмешиваться в государственные дела, тем больше шансов, что все пройдет успешно. Сперва

я добуду продовольствие в Альмире, а потом разберусь с листирийцами. А ты возвращайся к своим пирушкам и оргиям при луне. Все важное сделают специально обученные люди.

– Что ж, Актус, – холодно, с неожиданной серьезностью сказала Каира. – Должна признать, что в твоём замысле есть рациональное зерно, однако же он не устраняет проблемы. Даже если тебе удастся захватить продовольствие в Альмире, бóльшую часть добытого придется потратить, чтобы накормить войска, которые ты отправишь в Листирию. А то, что останется, не спасет от голода жителей Бурз-аль-дуна. Разумеется, торговцам и чиновникам кое-что достанется, но обитатели трущоб не получают ни крошки.

Актус Шип не ответил, хотя министры смущенно переглянулись, будто подтверждая правоту слов Каиры. Она это тоже заметила.

– Интересно, как долго бедняки выдержат без еды, прежде чем взбунтуются? – продолжала Каира. – Порядок на улицах Бурз-аль-дуна всегда держался на гарантии ежедневного трехразового питания каждого горожанина. А если запасы продовольствия закончатся? Возможно, мятеж в Листирии удастся подавить, но за стенами Бурз-аль-дуна тут же вспыхнет другой.

– Может быть. А может, и нет. Ты сегодня пришла на совет, чтобы отвлекать нас гипотетическими ситуациями?

– Нет, я пришла для того, чтобы гипотетические ситуации не стали реальностью.

– И как ты этого добьешься?

– По-твоему, женщине не место на военном совете. Согласна, я в этом плохо разбираюсь, зато знаю толк в зрелищных церемониях. Я могу сделать жителей Бурз-аль-дуна счастливыми, несмотря на войны и голод. И для этого мне нужна от тебя одна-единственная вещь.

– Какая?

– Мой собственный неболёт.

Актус Шип хмыкнул:

– Ты шутишь? Я ни за что не отдам тебе военный корабль.

– Разумеется. Однако Озирис Вард недавно разработал неболёт новой конструкции, который подойдет мне гораздо больше.

– Тебе что, уши грязью залепило? Ты же слышала, драконье масло у нас в дефиците. Его только-только хватает на нужды армады, а вдобавок необходимо, чтобы работала центровая шестерня. Запасов осталось всего на год. Знаешь, что произойдет, если центровая шестерня остановится? Все пропускные пункты закроются, и в городе начнется суший кошмар. Прошлым летом, когда шестерня всего на несколько дней вышла из строя, здесь был настоящий бардак. В Одиннадцатом квартале целый месяц продолжались беспорядки.

– Мне не нужен работающий двигатель, – ответила Каира. – Мне просто нужен неболёт.

– Зачем?

– Я не собираюсь летать на своем неболёте. О горючем

для двигателя речи не идет.

– И что ты будешь делать с летучим кораблем, который не поднимается в небо?

– Премьер, воображение – мощное орудие управления. Торжественная церемония в честь завершения строительства личного неболёта императрицы развлечет народ. Конечно, со свадьбой она не сравнится, но празднества в честь моей свадьбы были достаточно скромными в силу трагических обстоятельств. Однако же в данном случае сгодится и летучий корабль. Фрегаты армады строились втайне, они устрашают, а не вдохновляют. Но если народу показать совсем другой неболёт – яркий, веселенький, роскошно украшенный, а не грозный и мрачный, то мы сможем завладеть их сердцами.

– Императрица, вряд ли бедняки в трущобах забудут о голоде, если показать им яркую игрушку, – сказал министр Локс.

Каира обернулась к нему.

– Вам не хватает воображения, министр, – сказала она с милой улыбкой и, помедлив, добавила: – Возможно, это и не отвлечет горожан, зато я займусь чем-то поинтереснее ваших заседаний.

Актус погрузился в размышления и в конце концов спросил Озириса:

– Ты можешь дать гарантию, что материалы для постройки нового неболёта не понадобятся армаде?

– Да. Военные неболёты создавались по образу и подобию драконов. В сравнении с ними летучий корабль императрицы – просто воробушек.

– Вот и славно. – Актус пренебрежительно махнул рукой. – Будет тебе неболёт. Но если вдруг вздумаешь просить у меня драконье масло, я сожгу твою игрушку. – Он встал. – Все, заседание окончено.

Озирис кашлянул:

– Простите, премьер, но я так и не понял, что будет с моей лабораторией? Мне нужны подопытные особи...

Актус уставился на Озириса Варда:

– Твои личные исследования и опыты омерзительны. Я их не потерплю. Сначала построй мне улучшенный неболёт с топливосберегающим двигателем, а там посмотрим. Если я останусь недоволен результатом, то выпровожу тебя из города.

Озирис выдержал взгляд Актуса, но потом все-таки кивнул:

– Для начала мне нужен пергамент. Или бумага. Почти все мои записи сгорели при пожаре, а мне необходимо делать заметки о ходе работы.

– Будет тебе бумага. Но больше ты ничего не получишь, пока не сконструируешь новый двигатель.

Актус покинул зал заседаний решительной поступью военачальника, возвращающегося на поле боя. За ним последовали хореллианские гвардейцы. Министры тоже откланя-

лись и вышли.

Двери захлопнулись. В зале остались только Каира, Вира и Озирис Вард.

– Ужасно неприятный тип, – сказал имперский инженер. Каира захохотала.

– Кстати, ты просила меня быть поосторожнее с Шипом, – со смехом сказала она Вире, – а сама чуть ли не пригрозила его убить! – Она скорчила надменную гримасу и с притворной укоризной произнесла: – Ах, Вира, Вира, такое отсутствие самообладания очень огорчительно!

– Он не имеет права так с тобой разговаривать! – сказала Вира, сжимая рукояти кинжалов и глядя на дверь, за которой скрылся Актус Шип.

– Если обращать внимание на дурные манеры и злобные выпады, то ничего не добьешься. Зато теперь нам удалось сделать первый шаг.

– Первый шаг к чему? Зачем тебе неболёт? От этих празднеств и церемоний один вред. Игрушки императрицы – плохое утешение для голодных людей.

– Разумеется, – кивнула Каира. – Я же не дура. Но подготовка к торжественной церемонии позволит мне совещаться с другими министрами и влиятельными людьми в правительстве. Сейчас мне не пошатнуть авторитет Актуса Шипа, но я постепенно, шаг за шагом, расширю свою сферу влияния. У каждого человека есть сокровенное желание, Вира. Иногда людям даже давать ничего не надо, можно просто по-

обещать... – Она осеклась и посмотрела в окно, на центровую шестерню. – Вот в этом моя сестра и допустила ошибку. Эшлин прекрасно разбиралась в драконах, растениях и всяких умных книгах, но совершенно не понимала людей. Поэтому она и погибла. Но я поступлю иначе. Склоню членов правительства на свою сторону и добьюсь того, чтобы Актуса Шипа сместили.

Вира, украдкой покосившись на Варда, выразительно посмотрела на свою подопечную.

– Не волнуйся, – отмахнулась Каира. – Озирис хочет того же, что и я.

– С чего бы это?

Имперский инженер рассеянно сплетал сальные пряди бороды в тоненькую косицу.

– Мы с императором Мерсером Домицианом достигли взаимовыгодной договоренности. Я создавал инструменты, позволявшие ему эффективно управлять империей, а взамен получал неограниченный доступ к материалам для проведения своих опытов.

Виру очень встревожил отзыв Актуса о лаборатории Озириса Варда. А еще ей не нравилось, что Вард очень уклончиво описывает свои исследования.

– Вот про материалы хотелось бы услышать поподробнее.

– Ну вот, например, драконье масло. Ценные минералы для плавильных печей. Экзотические животные и насекомые из дальних стран... – Озирис Вард умолк, а потом с улыб-

кой продолжил: – Подопытных особей много не бывает, Вира. Никогда не бывает. – Он со вздохом выпустил бороду из кулака. – К сожалению, мне не удалось договориться с Актусом. Как и следовало ожидать, он забрал мои неболёты, но ничего не дал взамен. И я вряд ли могу надеяться на его щедрость даже после того, как сконструирую улучшенный двигатель. Актус Шип все у всех отбирает. Натура у него такая, этого не изменишь. А мне бы хотелось иных отношений с правителем Баларии. Я знаю, что когда Каира добьется своего, то не забудет своих друзей.

– Подобные разговоры обычно приравнивают к государственной измене, – сказала Вира. – Если нас разоблачат, то нам грозит смертная казнь.

– Тоже верно... – Каира пожала плечами. – Но если нас разоблачат, то мы просто улетим на том самом неболёте, который разрешил построить Актус Шип.

– Что-что?

– Вообще-то, я хотела использовать неболёт для обзорных экскурсий... Ну, после того как накормлю голодающих Баларии и разберусь с Актусом. Но если тебя это больше устраивает, я готова считать, что неболёт лучше использовать для побега. Впрочем, он прекрасно подходит и для одной, и для другой цели.

– А как мы улетим без двигателя?

– Двигатель у нас будет, – вмешался Озирис. – Новый, улучшенный. Актус Шип, несмотря на все свои неприятные

черты характера, прав в одном: неболёты потребляют слишком много драконьего масла. Нужен двигатель радикально нового типа, компактнее и мощнее, чем двигатель центральной шестерни в Бурз-аль-дуне. Материалы исследований, обнаруженные в Альмире, позволят мне создать именно такое устройство. Пока трудно сказать, сколько времени для этого понадобится, но, по-моему, на это уйдет не больше... одной луны, – произнес он, выговаривая слова на манер альмирцев. – Новый двигатель будет гораздо эффективнее, особенно для сравнительно мелкого неболёта императрицы.

Вира сощурила глаза:

– Ты обещал новый двигатель для неболёта армады в Альмире.

– Да, но у меня хватит материалов, чтобы сконструировать не один, а два двигателя. Разумеется, Шипу я об этом говорить не стал.

– А где взять топливо?

– Не волнуйся. Неболёт Каиры будет отличаться не только красотой, но и экономичным использованием драконьего масла. В сравнении с летучими кораблями армады, которые жадно хлеблют топливо, неболёту императрицы понадобится всего лишь несколько глотков.

– К тому же небольшое количество драконьего масла можно достать разными путями. Мы с имперским инженером недавно это обсуждали, – добавила Каира и попросила Озириса: – Расскажи Вире о теневой экономике и черном рынке

Бурз-аль-дуна.

Вира крепче сжала рукоять клинка. Ей очень не нравилось сотрудничество Каиры с Озирисом, особенно то, что они собирались использовать незаконные методы, дабы лишить власти одного из самых жестоких и коварных военачальников Терры.

Озирис Вард подошел к столу. Вира шагнула вперед, чтобы одним движением перерезать сонную артерию имперского инженера, если он попробует коснуться Каиры.

– В министерстве энергетики закрывают глаза на то, что ежемесячный объем рафинированного драконьего масла, производимого центральной шестерней, не совпадает с запланированным. К примеру, в прошлом месяце было произведено на один и две десятых процента меньше предполагаемого объема, а в позапрошлом – на ноль целых семь десятых меньше. Император Мерсер отказывался признавать несовершенство введенной им системы пропускных пунктов и предпочитал объяснять разницу сбоями в работе очистной аппаратуры, а не хищениями топлива и его тайным вывозом из Баларии. Мерсер Домициан мыслил стратегически, но, к сожалению, ему очень мешала его самонадеянность. А теперь, после его смерти, Актуса больше волнует мятеж в Листии, чем незначительные потери в промышленном производстве драконьего масла.

– Один и две десятых процента от общего количества... – повторила Вира. – Сколько это бочек в общей сложности?

– Примерно три сотни. Как я уже упоминал, неболёт Каиры будет предназначен для исследовательской деятельности. В отличие от тяжеловесных летучих кораблей Актуса он будет легок. Пятидесяти бочек топлива хватит на несколько недель непрерывного полета.

– Теперь понятно? – сказала Каира Вире. – Отберем у воров награбленное, и тебе больше не придется вести себя как перепуганная курица-наседка.

– А зачем нам что-то отбирать? Можно ведь просто купить драконье масло на этом самом черном рынке, – напомнила ей Вира.

– Увы, не получится, – возразил Озирис Вард, потирая костяшки пальцев. – Актус Шип приказал учитывать каждую бочку масла, и все они отправляются прямиком армаде. В светильниках на городских улицах уже несколько недель жгут козий жир, куда для аромата добавляют сосновую эссенцию, чтобы у жителей не возникало вопросов. Так что единственный способ обеспечить топливом неболёт императрицы – отобрать награбленное у воров. – Он обернулся к Каире. – Императрица, я обязан предупредить, что с баларскими преступниками очень непросто иметь дело. Обращаться к таможенникам бесполезно, потому что многие сотрудничают с преступными бандами в Таггарстане. А если отправить на задание гвардейцев или обычных воинов, то Актус тут же об этом узнает и отнимет все добытое.

Каира сосредоточенно наморщила лоб.

– Однако же я все устроил, – продолжил Озирис. – Недавно мне сообщили, что основным поставщиком контрабандного топлива за границу является некий торговец шелком, из местных. В ближайшее полнолуние он намерен отправить в Таггарстан большую партию драконьего масла.

– А почему в полнолуние? – спросила Вира.

– Потому что в полнолуние самые благоприятные условия для прохождения залива Сломанных Часов, – пояснил Озирис. – По слухам, партия очень большая, но охранять ее будет относительно небольшой отряд наемников. – Он с улыбкой посмотрел на Виру. – Если один прекрасно обученный и опытный человек согласится нам помочь, то мы сможем заполучить всю партию.

– Прекрасно обученный и опытный человек... – повторила Каира. – Вира, конечно же. Отлично. А что ей нужно сделать?

– Во-первых, необходимо выяснить имя торговца. К сожалению, несмотря на все мои попытки, этого пока не удалось разузнать, а время поджимает. Не хотелось бы упустить возможность отобрать именно эту партию. Как мне сообщили, свои сделки на черном рынке он заключает в «Милости Этерниты», одной из таверн Четвертого квартала. Если Вира посетит эту таверну и... убедит кого-нибудь из завсегдатаев назвать имя торговца, то я смогу определить, где именно он хранит украденное драконье масло.

– Каким образом?

– Зная имя жителя Бурз-аль-дуна, можно проверить кадастровые реестры и прочие списки недвижимого имущества, где указано, какими зданиями и сооружениями владеет тот или иной человек и какие складские помещения он арендует в порту. Пропускная система не позволяет использовать для этого выдуманные имена. Вот поэтому контрабандисты и стараются сохранять анонимность.

Вира задумалась. Объяснение звучало логично, но слишком уж складно. Судя по всему, Озирис Вард давным-давно разработал этот план. Вире показалось, что они с Каирой – просто винтики и шестеренки какой-то огромной машины, сконструированной имперским инженером. И теперь Озирис привел эту машину в движение. Вире все это очень не нравилось.

– Каира, вообще-то, грабить контрабандистов – не мое...

– Прекрасный план! – воскликнула Каира. – Сегодня же вечером Вира сообщит тебе имя. Спасибо, Озирис. Увидимся позже.

Имперский инженер встал:

– Разыскать контрабандистов и отобрать у них драконье масло – задача не из сложных, императрица. Куда сложнее совершить дворцовый переворот. Баларская внутренняя политика – то еще болото. С твоего позволения, я готов предоставить документы, содержание которых поможет тебе понять, как лучше всего лишиться власти Актуса Шипа.

– Спасибо, не стоит.

Вард недоуменно вскинул брови:

– Императрица, за тобой не стоит армия. Очень трудно устранить военного диктатора одними политическими маневрами.

– Политика – дело сложное. Люди – куда проще. Не волнуйся, Озирис, я знаю, что делаю.

Вард поклонился:

– Как тебе угодно, императрица.

Как только он вышел из зала заседаний, Каира обернулась к Вире:

– Вот только не надо снова объяснять мне, что именно входит в обязанности вдовы.

– Если бы я думала, что ты это усвоила, то не растолковывала бы раз за разом, – сказала Вира. – Я твоя телохранительница, а не наемный убийца.

– Да неужели? Моя папирийская тетушка только и делает, что использует своих вдов как наемных убийц. И не говори мне, что это неправда. Мы с тобой слышаны о подвигах Сосоне Калары Сун.

– Я не Сосоне. А ты вовсе не обязана подражать своей кровожадной тетушке.

– К сожалению, обязана, – хмуро ответила Каира. – Знаешь, в Альмире, под защитой крепостных стен замка Мальграв, я только и делала, что пировала, пьянствовала и трахалась с сынками мелкопоместных баронов, так что для моей безопасности вполне хватало телохранительницы. Но здесь,

в Баларии... мне хочется чего-то большего.

– Ничего большего ты не дождешься, если останешься без защиты и тебя убьют, пока я буду добывать драконье масло.

– Мне не нужна защита, – отмахнулась Каира. – Во дворце сотни хореллианских гвардейцев, которые поклялись уберечь меня от любой опасности.

– Мужчины, – пренебрежительно сказала Вира. – Им нельзя доверять.

– Ты же доверяла Сайласу Бершаду.

Вира недовольно скривилась. Каира была не совсем права, но кое-что в ее словах было верно.

– Мне нужна была его помощь для того, чтобы спасти тебя, – сказала Вира. – Кстати, прежде, чем убить императора, Сайлас справился с восемью хореллианскими гвардейцами. Так что неуязвимыми их не назовешь.

– А ты бы смогла его остановить?

– Если бы мне поручили охранять Мерсера, то я вообще не допустила бы такой ситуации.

– Вира, мне понятна твоя точка зрения и твои советы. Я рада, что ты делишься со мной своими тревогами. Но я сбежала из Альмиры не для того, чтобы Актус Шип запер меня в очередную золотую клетку. Так или иначе, я намерена самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Тебе не обязательно со мной соглашаться, вот только отговорить меня ты не сможешь. Я знаю, что это опасно, но я не боюсь рисковать.

Вира укоризненно посмотрела на нее.

– Я тебя разочаровала, – сказала Каира.

– Я не хочу, чтобы ты подвергала себя опасности. А ты задумала и делаешь все с точностью до наоборот.

– Значит, тебя больше устраивает, чтобы я стала верной собутыльницей Ганона и каждую ночь кувыркалась с ним в койке? Чтобы я жила разгульной жизнью, а через пару десятков лет сдохла в луже собственной блевотины, упившись можжевелевой водкой?

– Ну должна же быть какая-то золотая середина между смертью от пьянства и смертью на плахе за государственную измену!

– У того, чего я хочу добиться, золотой середины не бывает.

– А чего именно ты хочешь добиться? Помнится, ты упомянула, что хочешь власти. И что ты будешь делать, когда получишь эту самую власть? – спросила Вира и мысленно добавила: «Если нас раньше не убьют».

Каира устремила холодный взгляд бирюзовых глаз на Виру и серьезно произнесла:

– Я считала Альмиру захолустьем. Сломленной, отсталой страной, где царит несправедливость, где дороги раскисли, а жестокие воинственные бароны выжимают из народа все соки, чтобы набрать денег для очередного набега на соседские земли и для разнузданных оргий в полуразрушенных замках. Запуганным людям остается только молиться лесным богам и наскоро слепленным глиняным истуканам в от-

чаянной надежде выжить в жалких хижинах, под постоянной угрозой нападения безжалостных драконов. Разумеется, я была несчастна. Кто назовет такую жизнь счастливой? В глубине души я верила, что в Баларии все будет лучше. – Она вздохнула. – Но здесь, во дворце с водопроводом, среди множества тикающих часов и летучих кораблей, я поняла, что ничего особо не изменилось. Баларский министр отличается от альмирского военачальника лишь чисто вымытой головой. И тем, что держит народ в узде не с помощью меча, а посредством налогов. Несправедливость царит не только в Альмире, но и по всей Терре. Но я намерена все это изменить.

– По всей Терре? – удивилась Вира. – Каким образом?

– Постепенно, шаг за шагом.

– Это не ответ.

Каира снова посмотрела на центровую шестерню:

– Я знаю, что делаю. Первый шаг – лишить Актуса Шипа власти и сместить его с поста. Знаешь, если тебе так противно, то можешь не отправляться за драконьим маслом. Я и без него обойдусь. Это ты вечно беспокоишься о возможных последствиях.

Вира вздохнула. По тону Каиры было ясно, что настроена она решительно. В прошлом такое уже бывало: как только Вира взяла на себя роль строгой воспитательницы, Каира сбежала из дворца, и за ней пришлось гнаться через всю Терру. Нет, как бы там ни было, Вира больше не допустит

такой ошибки. Вдобавок она хорошо помнила о верности и о священном долге вдовы.

Однако же никогда прежде она не слышала от Каиры таких слов. Впрочем, за долгие годы, проведенные в коридорах дворцов и покоях королев, королей, императоров и баронов, она ни разу не слыхала, чтобы кто-то обсуждал недостатки системы власти. Даже Эшлин, сестра Каиры, намеревалась использовать раздробленное и коррумпированное альмирское правительство в своих интересах и ради своих целей. Эшлин не хотела менять систему. А вот Каира другая. Возможно, даже лучше своей сестры.

– Каира, я тебе помогу.

– Отлично. – Каира встала. – Только поторопись. До пропускных пунктов Четвертого квартала путь неблизкий.

Джолан



Альмира, провинция Дайновая Пуца

– Ты откуда, малец? – спросил Виллем, набивая рот курятиной.

Курятиной они завтракали уже третий день.

Джолан сосредоточенно жевал мясо, сухое и жесткое, как кусок дерева. Стэн, кашевар отряда, не блистал кулинарными талантами.

– Меня зовут Джолан, – наконец сказал он, с трудом про-

толкнув курятину в глотку.

– Джолан. Малец. Какая разница? Ну, ты откуда?

– Из Выдрина Утеса.

– Никогда про такой не слышал.

– Это деревня на Атласском побережье, – сказал Оромир.

Джолан заметил, что Оромир уже ухитрился расправиться со своей порцией обугленной курицы – наверное, выбросил тайком, потому что быстро съесть жуткую стряпню было совершенно невозможно.

– В двух днях пути к западу от долины Черных Сосен, там, где в Атлас впадает приток с севера, – добавил Оромир.

– Верно, – удивленно протянул Джолан.

– Откуда ты знаешь про какую-то паршивую деревушку далеко на севере? – спросил Виллем.

Оромир пожал плечами:

– Я люблю карты.

– Карты он любит, – проворчал Виллем. – Странный ты, Оромир.

– Какой уж есть.

– Мой отец погиб у Черных Сосен, – сказал Камберленд, не отводя глаз от костра.

– И мой тоже, – вздохнул Стэн, деловито лепя глиняного божка и украшая его клевером и куриными косточками. – Вместе со всеми моими дядьями. А вся слава досталась Седару Уоллесу и его отважному отряду. Никто и не вспоминает о воинах Дайновой Пуши, которые всю ночь пробирались

к флангам баларского войска, чтобы напасть одновременно с атакой Уоллеса.

– А что, это было важно для исхода сражения? – спросил Джолан.

Морган заставил его выучить историю Альмиры и Терры, но не делал особого упора на военную стратегию и тактику, потому что они не представляли никакого интереса для алхимиков.

– Нападение с флангов отвлекло балар и разделило их войско. Это изменило ход битвы и обеспечило победу Альмиры. Но воины Дайновой Пущи попали в окружение. – Камберленд порылся в тотемном кошеле, достал синий камешек и протянул его Стэну. – В тот день поганые шестереночки отправили в путь по реке воинов в ягуаровых масках, всех до одного.

– А теперь о битве при Черных Соснах вообще забудут, – внезапно заявил Джолан, и все уставились на него. – Ну, после сражения у Незатопимой Гавани...

– Да уж, – буркнул Камберленд. – По вечерам у очага куда интереснее слушать, как королева-ведьма всех зажарила.

Джолан до сих пор не выяснил, что же все-таки произошло в Незатопимой Гавани. Никто из отряда Камберленда не присутствовал при сражении, но утверждали, что Эшлин Мальграв убила Седара Уоллеса на дуэли, метнув молнию из руки. А после этого колдовством уничтожила войско Уоллеса. Разумеется, все эти рассказы были недостоверными,

ведь альмирцы объявляли колдовством любые явления, которых не понимали. Включая алхимию. Но Джолан не мог сообразить, какое из природных явлений положило начало этим слухам. Маловероятно, а то и вовсе невозможно, что на дуэли в одного из соперников ударила молния. А если допустить, что разряд молнии все-таки был, и даже больше – не один, а несколько, то это все равно не объясняло почти поголовное уничтожение войска.

Разобраться в происшедшем не удавалось из-за скудости достоверных сведений. Чем усерднее Джолан пытался найти ответы, тем больше возникало вопросов.

– Ну что, сегодня вернемся в Умбриков Дол? – спросил Виллем, утирая рот рукавом. – Там есть булочница, ее зовут Эландра... У нее такие хорошенькие веснушки. Я обещал к ней заглянуть. Теперь, когда Джолан решил мою, гм, проблему, нам с Эландрой будет чем заняться.

– Вернемся, но не сразу, – сказал Камберленд. – Сначала пойдем на мельницу, здесь недалеко, на востоке.

– Недалеко – это где?

– Лигах в десяти, а то и в пятнадцати отсюда.

– Эй, а ты раньше не мог сказать, командир? Я уже несколько недель без бабы, понастроил себе планов, а теперь придется все менять.

– Печально.

Виллем вздохнул:

– Что, опять за голубями из Папирии?

– Да.

– Ничего не понимаю, – сказал Виллем. – Зачем какой-то императрице с далеких островов понадобилось помогать нам бороться с Линконом Поммолом?

– Не знаю, – ответил Камберленд. – Но вот на днях мы заманили в засаду отряд черепах, потому что птичка из Папирии предупредила нас, где их ожидать. Голубиная почта нам помогает. Карлайл сказал, что на мельнице нас ждет новое сообщение.

– Мы Карлайла давным-давно не видели. Откуда ему известно, куда прилетит очередной голубь?

– Не знаю. – Камберленд цыкнул зубом и отшвырнул обглоданную куриную косточку.

– Это почтовые голуби, – сказал Джолан. – Специально обученные прилетать в определенные места. Когда императрица Папирии посылает сообщение, то указывает в нем, куда прилетит следующий голубь.

– Надо же. А не проще научить голубей летать из одного места в другое? – спросил Виллем.

– По-моему, это невозможно, – сказал Джолан.

– Правда? Даже если их долго-долго учить?

– Слушайте, умники, кончайте уже трепаться про голубей, – оборвал их Камберленд. – Нам еще шагать и шагать.

Все начали собирать вещи. Джолан поглядел на остатки курятины и, сообразив, что жевать их бесполезно, выбросил в заросли черники.

Он решил, что на следующий день сам вызовется кашеварить.

У мельницы собралось семь воинов в черепаших масках. Пятеро столпились у двери, а двое патрулировали периметр, охраняя подходы к мельнице. Основное внимание они уделяли каменному мосту через реку.

– Семь демонов на долбаном дереве! – выругался Стэн, глядя с холма на мельницу.

Джолан и воины растянулись на земле, в густых зарослях папоротников.

– Откуда здесь люди Поммола?

– Неизвестно, – сказал Камберленд. – Но они нам мешают.

Он чуть повернулся и, поморщившись, приложил руку к ребрам. Джолан, хоть и был умелым целителем, не мог всего за пару дней залечить рану от арбалетного болта.

– А семь воинов – это много? – шепнул Джолан Оромиру, который лежал, прижавшись к нему плечом.

Джолан знал, как смешивать эликсиры и готовить всевозможные целительные зелья, но понятия не имел, есть ли шансы на победу у четверых воинов против семи.

– Справимся, если нападём неожиданно, – шепотом ответил Оромир.

– А почему их так мало? – спросил Джолан.

– Потому что мы уже много месяцев прореживаем отряды противника в Дайновой пуще. В конце концов они сообрази-

ли, что лучше передвигаться незаметно, небольшими группами. Так же, как и мы. Северяне хоть и туго соображают – особенно в том, что касается военных действий, – но все-таки учатся на своих ошибках.

– Ну, приступим? – нетерпеливо спросил Виллем у Камберленда.

– Не спеши. Подождем, посмотрим, что они делать будут.

– Подождем? – уточнил Виллем.

– Пока подождем. – Камберленд поудобнее устроился среди папоротников и уставился на мельницу.

Три воина-черепахи вошли внутрь. Двое остались на страже у двери, а еще двое продолжали обходить мельницу кругами. Виллем вопросительно уставился на Камберленда, но тот оставил его взгляд без внимания.

Стэн начал лепить очередного божка, вдавил в глину пару ржавых кольчужных колец и черную речную гальку вместо глаз.

Десять минут спустя один из воинов вышел из мельницы, приподнял маску, сплюнул и снова надвинул ее на лоб.

– Что скажешь? – спросил один из стражников у двери.

– Там, наверху, голубятня, но ни птиц, ни записок нет.

– А что мельник говорит?

Воин поглядел на свои разбитые в кровь кулаки:

– А он молчит. Упрямый попался.

– Тут одних кулаков мало. Ты б лишил его чего нужного.

Помнишь же, нам приказано убить всех голубей и без запис-

ки не возвращаться.

Воин с разбитыми кулаками замялся.

– Ох, ну ты и нюня! – Стражник у двери снял с пояса нож. – Давай я тебе покажу, как надо. Прежде чем задавать вопросы, выковыряй у него глаз...

Оба вошли внутрь. Снаружи остались один стражник и двое патрульных.

– Пора, – сказал Камберленд, вытаскивая из заплечных ножен двуручный меч.

Оромир и Стэн тоже обнажили мечи. Свистнула сталь, и Джолан невольно поежился: при виде клинков он всегда вспоминал Гаррета.

– А теперь, значит, суетимся, – сказал Виллем. – Вот не надо было тратить время и пялиться на гребаных...

– Заткнись, – оборвал его Камберленд. – Готовь арбалет.

Виллем укоризненно посмотрел на него, пристроил арбалетный болт на ложе и пару раз ловко повернул рукоять ворота, натягивая тетиву.

– Мы со Стэном снимем того, кто у двери. Виллем и Оромир разберутся с патрульными.

Все согласно кивнули и закрыли лица масками.

– А я? – спросил Джолан.

Камберленд взглянул на него:

– Ты остаешься здесь, пока я за тобой не приду. – Он схватил Джолана за плечо и сжал так сильно, что тот едва не взвизгнул от боли. – Предупреждаю, малец, захочешь улиз-

нуть – я пойду по твоему следу, где угодно тебя разыщу, даже в Стране джунглей. Если мне придется за тобой гоняться, то вежливости от меня не жди.

Джолан тяжело сглотнул и выдавил:

– Понятно.

– Вот и славно. Как закончим, мы тебя позовем.

Камберленд и его воины двигались с хищной уверенностью волков, загоняющих лося. Виллем и Оромир вильнули вправо, скрылись под мостом и переправились через реку. Камберленд и Стэн свернули влево и спрятались на краю поля. Как только патрульные прошли мимо, оба вскочили и, пригнувшись, промчались через все поле к мельничной стене. Камберленд подкрался к южному углу мельницы. Присел на корточки. Стражник у входа ничего не заметил. Стэн скользнул в противоположную сторону и, посмотрев из-за северного угла на патрульных, поднял руку. Камберленд следил за ним.

Патрульные направились в обход моста. Из глубины мельницы раздался пронзительный вопль, но Камберленд со Стэном, застывшие, будто статуи, даже не шевельнулись.

Заметив, что патрульные отдалились от моста шага на три, Стэн резко махнул рукой.

Камберленд бросился за угол и одним ударом снес голову стражнику у входа.

Отрубленная голова еще катилась по земле, а Оромир и Виллем уже выскочили из-за моста.

Оромир стремглав метнулся к патрульным. Виллем поднял арбалет, прицелился и выстрелил в спину воина-черепахи. Болт вонзился в левый бок, прямо в сердце. Патрульный ничком повалился в грязь.

Второй воин-черепаха обернулся, выхватив меч. Оромир начал осыпать патрульного градом ударов, заставляя его отступать. Клинок Оромира мелькал с такой быстротой, что Джолан не успевал за ним уследить. В мгновение ока Оромир вонзил меч в сердце противника. Воин-черепаха обмяк. Оромир выдернул клинок, и патрульный упал на землю.

Не останавливаясь, Оромир побежал к мельнице. Виллем закинул арбалет на плечо, снял с пояса боевые топорики и последовал за товарищем. Камберленд уже высадил дверь, мощным пинком сорвав ее с петель.

Четверо воинов-ягуаров ворвались на мельницу. Послышался звон клинков. Выкрики. Вопли. Стоны. Джолан не сводил глаз с двери. Во рту у него пересохло, сердце отчаянно колотилось. Внутренний голос настойчиво уговаривал бежать, ведь в Дайновой пуще легче легкого уйти от погони, но от страха Джолан не мог двинуться с места.

Спустя минуту на порог мельницы вышел Камберленд в перемазанной кровью маске.

– Джолан! Нам нужна твоя помощь.

Возглас вывел Джолана из оцепенения – наверное, потому, что голос Камберленда звучал с той же настойчивостью, что и голос мастера Моргана. Джолан схватил котомку и по-

бежал к мельнице.

За выломанной дверью оказалось жилое помещение: в одном углу – чугунная кухонная плита и стол, в другом – большой соломенный тюфяк. У стола валялся труп воина-черепахи с выпущенными кишками, еще один, вспоротый от ключицы до паха, истекал кровью на тюфяке.

Посреди комнаты стоял стул, на котором сидел связанный мельник с распухшим, избитым лицом и кровоточащей глазницей. Мельник тяжело дышал.

– Приведи его в порядок, – приказал Камберленд Джолану, будто ждал, что беглый недоучка-алхимик тут же достанет из котомки чудесный эликсир и восстановит утраченный глаз.

Джолан кивнул, подошел к мельнику, осмотрел раны. Нос сломан. Глаз выдавлен чьим-то пальцем. Придется удалить остатки нервных окончаний, промыть глазницу и наложить на нее повязку.

– Принесите родниковой воды, – сказал Джолан, роясь в котомке. – Вскипятите, остудите, а потом я скажу, что делать дальше.

Спустя два часа Джолан очистил рану, промыл ее обеззараживающим раствором и смазал целебной мазью. Потом вырезал кружок из оленьей кожи, чтобы прикрыть пустую глазницу, и приготовил для мельника недельный запас обезболивающего и противовоспалительного эликсира.

Пока Джолан все это проделывал, воины-ягуары вышли подышать свежим воздухом. С мельником остался только Камберленд.

– Каждый день принимай по две порции эликсира: одну – с утра, вторую – после ужина. Это снимет боль и воспаление.

– Спасибо, – сказал мельник.

Болезненную операцию он перенес стоически, только время от времени крепко сжимал сиденье стула. Руки и предплечья мельника покрывали старые шрамы, и Джолан догадался, что его пациент не всю жизнь работал на мельнице.

– К сожалению, ничего больше я сделать не могу, – сказал Джолан.

К обычной целебной мази он добавил крошечную щепотку божьего мха, так же как к ране Бершада в Выдрином Утесе, и две чешуйки иловки-келарии, ускоряющие некоторые химические процессы. Джолан таил надежду, что выдавленный глаз чудесным образом восстановится, но ничего такого не произошло. Зато теперь организм отвергнет любую заразу, даже если мельник вотрет в рану навоз.

Что ж, один опыт поставлен, осталось провести еще пару тысяч.

Джолан начал складывать свои зелья в котомку. Камберленд подошел к мельнику и хлопнул его по плечу:

– Годрик, прости, что спрашиваю, но...

– Голубь уцелел. И записка тоже. Погоди.

Годрик с кряхтением поднялся со стула, подошел к плите,

перегнулся через нее, кочергой выковырял из стены кирпич, просунул руку в углубление и вытащил оттуда голубя-сизаря. Птица, склонив голову, огляделась.

Камберленд с облегчением вздохнул:

– Вот и славно.

Джолан уставился на голубя – самый обычный, почтовый.

– И что же в нем особенного?

– Это один из последних голубей Эшлин Мальграв, способный долететь до Папирии, – сказал Камберленд, осторожно взяв птицу огромными ладонями. – Мне приказано доставить в Умбриков Дол и голубя, и записку. Карлайл предупредил, что этого сообщения ждет какая-то вдова.

– А правда, что вдовы носят доспехи из акульей шкуры? – спросил Годрик.

– Ага.

– С юга надвигается буря, – сказал Годрик. – Так что отведи своих людей ко мне в амбар.

Камберленд кивнул:

– Спасибо, дружище.

– Нет уж, ты от меня так просто не отделаешься. – Годрик подошел к шкафчику у плиты и достал бутылку водки. – Я ранен, а мы с тобой старые приятели. Неплохо бы выпить и почесать языками. В общем, расскажи-ка мне о моем героическом прошлом. И о том, как я обучал тебя воинской премудрости.

Камберленд усмехнулся:

– А то!

Виллем, Стэн и Оромир заняли добрую половину амбара, разложив по полу свое оружие и доспехи. Они точили мечи и проверяли прочность кольчужных колец. Виллем разобрал арбалет на пять частей и протирал ветошью изогнутые плечи оружия. Все трое негромко переговаривались, подшучивая друг над другом.

Джолан отошел в дальний угол амбара, зажег свечу и начал выкладывать из котомки свои запасы, обдумывая следующий опыт.

Все известные целительные смеси с добавками божьего мха были очень действенными и высоко ценились. Поэтому вот уже сотни лет никто в гильдии алхимиков не пытался изобрести что-то новое. Но Джолан считал, что можно добиться большего, ведь его учитель держал в секрете какое-то особое зелье. Мастер Морган вообще был человеком скрытным и вел тайную переписку с гильдией алхимиков в Паргосе. Джолан намеревался опытным путем восстановить секретный рецепт.

Для начала следовало выяснить, что в него не входит. Джолан решил исследовать клубни канеллума.

Это редкое растение из драконьих логовищ часто использовали для повышения действенности настоек, разжижающих кровь. Может быть, у него есть и другие, пока еще неизвестные свойства. Минут десять Джолан стерилизовал флягу

и подготавливал ингредиенты. Он мелко нарезал клубни, отмерил щепотку божьего мха и осторожно растолок все стальным пестиком.

Снаружи завывала осенняя буря, от порывов ветра дрожали дощатые стены и трепетало пламя свечи. К сожалению, амбар мало чем походил на тихую, прекрасно изолированную лабораторию в аптекарской лавке, где Джолан когда-то проводил опыты.

Он смешал кипяченую родниковую воду и соль с Атласского побережья, а потом наполнил флягу теплым солевым раствором. Тщательно, стараясь не допустить загрязнения, закрыл флягу крышкой, хорошенько встряхнул и отставил в сторонку. Смесь забродит и будет настаиваться несколько недель. Джолан разглядывал флягу с взбаламученной водой и думал, что бы еще попробовать.

– Где ты этому научился?

Вздвогнув от неожиданности, Джолан оглянулся. Пока он размышлял над возможными составами целительных настоек, к нему неслышно подошел Оромир.

– Я был учеником алхимика.

– Правда?

– Да. Меня, десятилетнего, отдали в обучение к мастеру Моргану. Я жил с ним в аптекарской лавке, каждый день собирал лекарственные растения, учился отмерять ингредиенты. А еще мы с ним пытались отыскать противоядие или средство для уничтожения ядовитых красных улиток, рас-

плодившихся на берегах реки близ Выдриного Утеса. И он учил меня основам военно-полевой хирургии.

– Военно-полевой хирургии? Неужели в Выдрином Утесе требовались такие умения?

– Шипогорлые вердены облюбовали предгорья близ деревни. А когда драконы нападали на жителей, к нам засылали драконьеров.

– А, понятно. Ты, наверное, учился накладывать швы на трупах драконьеров.

– Вовсе нет, – негромко возразил Джолан.

– Но ты же больше не алхимик?

Джолан помотал головой:

– Это я так, из любопытства изучаю.

– А для чего эта настойка?

Джолан пожал плечами:

– Сам не знаю. Вот, захотелось придумать что-нибудь новенькое. Ну, тут очень сложно объяснить.

– Что ж, не буду тебе мешать, – сказал Оромир, заметив смущение Джолана, и собрался вернуться к спутникам.

– А где ты научился так хорошо владеть мечом? – спросил Джолан, чтобы его остановить.

В конце концов, опыты могут и подождать, а Джолан провел в джунглях целых два месяца и соскучился по дружеской беседе.

Оромир посмотрел на него, лукаво улыбнулся и совсем другим тоном спросил:

– С чего ты взял, что я хорошо владею мечом?

– Я видел, как ты выскочил из-под моста. Гораздо быстрее остальных.

– Вдвое быстрее, вдвое слабее, – выкрикнул Стэн.

Джолан смущенно потупился:

– Ну а мне понравилось. Ты очень красиво двигаешься.

Выражение лица Оромира смягчилось.

– Чтобы научиться хорошо владеть мечом, нужно заниматься каждый день. Это как в любом ремесле – в шитье, там, в стряпне или во врачевании. – Он взглянул на Джолана ярко-зелеными глазами, вытащил из кармана флягу и сделал глоток. – Хочешь бренди? – Оромир протянул флягу Джолану. – Из Заповедного Дола, две серебряные монеты заплатил.

Джолану вспомнилась приятная расслабленность после того, как он выпил ливенеля с Гарретом в Заповедном Доле. Вот и сейчас, после всех событий этого дня, неплохо было бы расслабиться.

– Да, спасибо.

Оромир дал флягу Джолану и сел рядом – так близко, что они касались плечами. Джолан хлебнул из фляги, стараясь ничем не показать, что бренди обожгло ему глотку, а к глазам подступили слезы. Ливенель нравился ему куда больше.

– Отличное бренди.

– Для тебя, Джолан, – только лучшее.

– Ха, Оромир подбивает клинья, – пробормотал Виллем из дальнего угла амбара.

– Вы только шум не поднимайте, – добавил Стэн. – Не надейтесь, что буря заглушит ваши ласки-таски.

– О чем это они? – спросил Джолан.

– Не обращай внимания. Они просто завидуют, что у них под боком бабы нет.

– Что-то я не пойму...

Оромир снова улыбнулся и взял флягу у Джолана.

– Они решили, что мы с тобой начнем трахаться.

– А... – У Джолана екнуло под ложечкой. Он не знал, куда девать глаза, и в конце концов уставился на стропила.

Оромир отпил бренди и рассмеялся:

– Не волнуйся, Джолан. После сегодняшнего мне вовсе не до этого. Устал я. – Он озабоченно нюхнул подмышку. – Да и пованиваю. – Он снова протянул Джолану флягу. – Кстати, раз уж зашел такой разговор, ты кого предпочитаешь?

– В каком смысле?

– В смысле с кем ты любишь трахаться – с мужиками или с бабами? Или тебе без разницы?

Джолан замялся. Мастер Морган никогда не заговаривал об интимных отношениях, а половые связи обсуждал исключительно с научной точки зрения, поэтому Джолан считал секс лишь средством продолжения рода и причиной неприятных заболеваний, которые ему неоднократно приходилось лечить, вот как триппер Виллема или мандавошки у жителей Выдрина Утеса. Разумеется, сейчас об этом вспоминать не стоило.

– Ну... вообще-то, я пока ни с кем не трахался...

– Но должны же у тебя быть какие-то предпочтения.

Неужели в Выдринном Утесе тебе никто не нравился?

– Выдрин Утес – крошечная деревушка, жителей там не много. И... – Джолан умолк, не в силах связно выразить словами весь вихрь своих мыслей.

– Да не волнуйся ты так, – сказал Оромир. – Я все понял. Никого у тебя не было. А что ты представляешь, когда драчишь?

Джолан решил, что никогда еще не краснел так сильно, как теперь.

– Ничего себе! – воскликнул Оромир и так же громко продолжил: – Ты что, никогда в жизни не дрович?

– Да дрович я, дрович, – шепотом ответил Джолан, надеясь, что Оромир понизит голос; ему очень не хотелось, чтобы в обсуждении приняли участие еще и Виллем со Стэном, которым наверняка нашлось бы что добавить. – Просто... просто я в таких случаях ни о ком особо не думаю.

Оромир удивленно вскинул брови:

– Правда? Очень странно.

Нет, вот теперь Джолан покраснел так сильно, как никогда.

– Ну извини, я ничего такого не имел в виду, – торопливо добавил Оромир. – Сам я в таких случаях всегда о ком-то думаю. – Он отхлебнул бренди. – А если ты ни о ком особом не думаешь, то о чем ты вообще тогда думаешь?

Джолан замялся. К этому времени бренди придало ему достаточно смелости, чтобы продолжить разговор.

– Я... я думаю просто... просто о прикосновении. О том, как чьи-то теплые руки скользят... ну, повсюду. Ко мне еще никогда и никто так не прикасался. Поэтому мне хватает и того, чтобы просто это вообразить, ну как-то так.

– Мм... вообще-то, неплохо. – Оромир сделал большой глоток бренди и уставился в потолок. – А я... был такой воин, его звали Лок. Каждый вечер, на закате, он выходил во двор своего дома и рубил дрова. Без рубахи. О боги, видел бы ты его руки... – Он прерывисто вздохнул и предложил Джолану бренди. – Ну что, еще глоточек – и спать? Нам завтра целый день идти.

Джолан кивнул, сделал глоток бренди, не отводя взгляда от Оромира, который тоже пристально смотрел на Джолана.

– Не волнуйся, тут и на следующий раз осталось, – сказал Оромир, ушел в свой угол, улегся, накрылся одеялом и через пару минут захрапел.

Джолан тоже старался уснуть, но гром, шум дождя и мысли о чьих-то прикосновениях отгоняли сон.

6

Вира



Балария, Бурз-аль-дун, Четвертый квартал

Таверна «Милость Этерниты» пропахла медью и эвкалиптом. Похоже, хозяин таверны смазал механизмы для подачи напитков каким-то ароматическим маслом, поэтому всякий раз, когда он наполнял очередную кружку, краник окружало облако благоуханного пара.

Вообще, работа всех механических устройств в Бурз-аль-дуне сопровождалась искусственно поддерживаемыми при-

ятными запахами. Вире все это было не по нраву. Ей отчаянно хотелось вернуться в непроходимые джунгли Альмиры или вдохнуть освежающий, просоленный морем воздух Папирии.

Но в Бурз-аль-дуне теперь жила Каира. Поэтому и Вира оставалась здесь.

Она направилась к длинной барной стойке в глубине таверны, мимо медных столов, за которыми сидели посетители, в основном дородные торговцы с озабоченными выражениями лиц, проводившие дни в удобных креслах за изучением корабельных манифестов. Однако же за столом в самом дальнем углу сидели два типа – широкоплечие, с настоженными взглядами. Из-под пол длинных черных камзолов выглядывали рукояти коротких мечей, обмотанные замызганной, потемневшей от времени бечевой.

Наемные охранники.

Даже самые недалекие бурз-аль-дунские чиновники понимали, что баларские солдаты преданы своему генералу, Актусу Шипу, а не государственным деятелям, поэтому состоятельные министры и торговцы окружали свои роскошные особняки наемной охраной. Однако же наемники не были завсегдатаями таверн, где для поддержания порядка в основном полагались на контрольно-пропускные пункты и присутствие баларских солдат.

Посетители дружно уставились на Виру. Их внимание привлек не только черный доспех папирийской вдовы, но и

длинный меч Бершада за ее спиной. Вира хотела оставить меч во дворце и сменить наряд на шелковое одеяние куртизанки, чтобы смешаться с толпой и осторожно разведать обстановку, но никакая маскировка не могла бы спрятать смуглую кожу и гладкие папирийские черты лица, резко выделявшиеся среди остроносых бледнолицых балар. Вира знала, что в этом городе она напоминает черную цаплю среди заснеженного поля, поэтому никогда не скрывала ни своего происхождения, ни рода своих занятий, а наоборот, всячески их подчеркивала.

Кроме того, тщательная маскировка требовала времени, а Вира не хотела надолго оставлять Каиру одну.

Вира скинула оружие с плеча, положила на стойку перед собой и уселась спиной к стене. С облюбованного места ей были хорошо видны и вход в таверну, и боковая дверь за барной стойкой. Перед уходом из дворца Вира посетила имперский архив, где изучила план таверны и прилегающего к ней квартала. Боковая дверь внушала определенные опасения: она вела в небольшую кладовую, откуда можно было попасть в узкий переулок, который тянулся почти целую лигу и оканчивался тупиком у гладкой мраморной стены в семьдесят локтей высотой, ограждавшей квартал, как было принято в Бурз-аль-дуне. Проблема заключалась в том, что в том же переулке имелось как минимум двадцать семь нигде не учтенных подземных ходов, ведущих неизвестно куда. А в них самих могло оказаться что угодно.

Когда Фельгор тайком провел Бершада и Виру через городскую клоаку в императорский дворец, то упомянул, что в подземельях Бурз-аль-дуна обитают воровские общины. А таггарстанские контрабандисты проникают на крытые пристани и причалы города и ведут там прибыльную подпольную торговлю опиумом в обмен на драконье масло. Именно этим путем попала в Заводной город и сама Вира.

Столица Баларии на первый взгляд выглядела чистой и благоуханной, но гладкая кожа города скрывала прогнившую плоть и почерневший остов. В памяти Виры Химейя, столица Папирии, осталась совсем другой – тихой, незапятнанной и безупречной. Такие вот воспоминания десятилетней давности. Интересно, какой предстанет перед ней ее родина теперь, после всех ужасов, пережитых на чужбине?

– Что вам угодно, госпожа? – спросил хозяин, изогнув намасленную бровь и старательно отводя взгляд от меча на барной стойке. – Есть шипучее вино, можжевелевая водка...

– Пиво.

– Прекрасный выбор, госпожа. Пиво мы варим на хмеле, который нам поставляют из свободных земель Юно. В нашей таверне этого добра в достатке.

– Вот и славно. – Вира подалась вперед. – А какого еще добра у вас в достатке?

– Простите, госпожа, не пойму, на что вы намекаете.

– Например, на драконье масло.

Хозяин таверны смущенно хохотнул:

– Хорошая шутка. Минуточку, я подам вам пиво.

Пока он наполнял кружку, Вира окинула взглядом таверну. За столом у входа сидели три солдата в багряных плащах, прикрепленных к доспехам серебряными застегками в форме стрел. Лучники. Двое уже сильно захмелели, третий все еще пребывал в легком подпитии. Особой угрозы они не представляли, но за ними стоило приглядывать.

Вира взяла поставленную перед ней кружку, сделала долгий глоток и принялась ждать.

Не успела она отпить и половины, как к барной стойке подошел подвыпивший лучник и устроился бок о бок с Вирой, хотя свободных мест было много.

– Хороший меч.

Вира посмотрела на него: лет тридцати, светлоглазый и длинноносый, как все балары, но черты лица грубее, чем у вельмож и дворцовых гвардейцев, – обветренная загорелая кожа, мелкие шрамы и оспины на лбу и на щеках, словно бы от осколков камней или шрапнели. Доспехи и плащ не скрывали массивных плеч и широкой груди. Впрочем, лучники все такие – хлюпику не натянуть тугую тетиву огромного лука.

– Спасибо, – сказала Вира.

– Меня зовут Децимар Баурис, лейтенант седьмого взвода имперского полка лучников.

Вира промолчала.

– А тебя как зовут? – не отставал Децимар.

Вира пристально посмотрела на него:

– Ты знаешь, как меня зовут.

Он улыбнулся, спокойно и уверенно:

– Конечно знаю. Для меня большая честь встретиться с тобой. – Он оглянулся. – И я рад, что со мной товарищи – хоть и пьяные, но все равно свидетели. Иначе никто в гарнизоне не поверит, что я пил пиво с Вирой – папирийской вдовой.

– Я с тобой не пью.

– Пока не пьешь, – поправил ее Децимар и, подозвав хозяина, заказал пива Вире, себе и своим приятелям. – А что ты делаешь в «Милости Этерниты»?

– Это я тебя должна спросить, – сказала Вира. – Тебе по чину сюда ходить не положено. Доступ в Четвертый квартал имеют только высшие армейские чины, а для вас открыты только с Десятого по Пятый кварталы. Как ты со своими товарищами здесь оказался?

– Просто удивительно, что ты, чужестранка, так хорошо разбираешься в нашей системе пропусков.

Через неделю после прибытия в Бурз-аль-дун Вира наизусть заучила карты всех пятнадцати городских кварталов, а также все требования пропускной системы. Баларское законодательство целиком и полностью основывалось на пропусках, и Вире необходимо было как можно быстрее ознакомиться со всеми существующими правилами.

– Отвечай, не увиливай.

– Видишь ли, сегодня нам в награду выдали разрешение, которое действует до двух часов утра. – Он взглянул на часы, вставленные в правый наруч. – Так что у нас есть время пропустить кружечку.

Полк лучников находился на особом положении и не считался частью регулярной баларской армии. Их вооружение и тактические методы настолько отличались от инфантерии, что не имело никакого смысла объединять их с подразделениями пехотинцев. Вдобавок в лучники шли десяти- и одиннадцатилетние мальчишки, которые к восемнадцати годам набирались сил и с легкостью могли натягивать тетиву огромных луков. В некотором роде лучники походили на папирийских вдов – их лишали детства и превращали в смертельно опасных воинов.

– А чем вы заслужили такую щедрую награду? – спросила Вира.

– Военная тайна, – ответил Децимар. – Но мы потрудились на славу.

Он и не подозревал, что Вире прекрасно известно, чем они отличились: те, кто испепелил все вражеские корабли до единого, заслуживают выпивки.

За спиной Децимара громко расхохотались его приятели.

– Для воина щедрая награда – предвестник кровавых сражений, – сказала Вира.

Децимар удивленно взглянул на нее:

– А где ты научилась так хорошо говорить по-баларски?

– Я знаю все языки, на которых говорят возможные враги.

На самом деле вначале Вира с трудом изъяснялась на баларском, но Каира заставила ее ежедневно заучивать характерные баларские обороты и выражения, добиваясь беглости речи и четкого понимания, хотя, по правде сказать, тонкостей воровского жаргона Вира так и не постигла.

– Понятно. И как, в этой таверне сегодня есть враги?

Хозяин принес им кружки пива, старательно делая вид, что не подслушивает разговор.

– Да не то чтобы враги, – сказала Вира. – Так, несколько контрабандистов.

Намасленные брови хозяина встревоженно дрогнули. Он тут же спохватился, но поздно.

– Контрабанда – дело серьезное, – заметил Децимар, поднося кружку к губам.

– Долго они не протянут.

– Это почему?

На разных зверей охотятся по-разному. На кролика расставляют силки, оленей загоняют, а вот к вепрю требуется иной подход. Отыщи его логово, вымани зверя и гляди в оба, не промахнись, когда он на тебя бросится.

Сейчас шла охота на вепря.

– Потому, что я пришла их убить, – заявила Вира, повысив голос, чтобы наверняка привлечь внимание хозяина, который стоял к ним спиной и делал вид, что вытирает бокал.

Децимар отставил пивную кружку, так и не донеся ее до

губ.

– Значит, правду говорят про вдов.

– Гм, не знаю... – сказала Вира. – А что именно говорят про вдов?

– Что с вами лучше не связываться.

– Верно. Те, кто связывается, быстро об этом жалеет, – кивнула Вира, следя за хозяином таверны, который торопливо подошел к дальней оконечности барной стойки, вручил бокал шипучего вина толстяку в белом шелковом одеянии и что-то зашептал.

Толстяк в свою очередь предупредил о чем-то двух типов с настороженными взглядами и короткими мечами. Тот, что повыше, поспешил прочь из таверны, но, судя по кивку, который достался толстяку-торговцу, ясно было, что заведение он покинул ненадолго.

– И что же стало с тем мудаком, который лишил тебя мизинца?

– А с чего ты взял, что это был он, а не она? – спросила Вира, буравя взглядом Децимара.

Он беспомощно пожал плечами.

– Не волнуйся, лейтенант, я пошутила. Мудак, который выломал мне мизинец, сдох на Вепревом хребте. А тот, кто отсек мне искалеченный палец... пропал без следа.

Вира очень хотела разузнать о судьбе Бершада, но из Альмиры в Баларию доходили лишь обрывочные слухи, а сведениям, поступавшим от соглядатаев Озириса Варда, верить

и вовсе было нельзя. Наверняка было известно лишь одно: Бершад и Фельгор выбрались из Бурз-аль-дуна на украденном корабле и исчезли. Поговаривали, что Бершад пришел на помощь Эшлин в сражении у Незатопимой Гавани, но всей правды на этом берегу Моря Душ никто не знал.

А после сражения ни Бершада, ни Эшлин, ни Фельгора больше не видели. Вира подозревала, что все они погибли, хотя прекрасно помнила, как затягивались жуткие смертельные раны на теле Бершада в трюме корабля таггарстанских контрабандистов.

В общем, заставить Бершада расстаться с жизнью было нелегко.

– Эй, Неприметная Звезда! – окликнул Децимара один из приятелей-лучников. – Брось заигрывать с папирийкой! Лучше принеси нам выпить!

– Неприметная Звезда? – удивленно спросила Вира.

Децимар отхлебнул пива:

– У лучника должно быть хорошее зрение. А чтобы в совершенстве овладеть луком, начинать приходится с раннего детства. В ясные ночи армейские рекрутеры приходят в трущобы, ищут мальчишек посильнее и заставляют их смотреть на звезды. Тех, кто может разглядеть четыре звезды из шести в созвездии Призрачного Мотылька, забирают в полк.

– И сколько звезд ты разглядел?

– Семь.

– Ты же сказал, что их всего шесть!

Децимар кивнул:

– Седьмая – самая далекая и тусклая. Ее так трудно заметить, что ее даже не считают частью созвездия.

– Неприметная звезда... – медленно повторила Вира. – Значит, у тебя прекрасное зрение.

– Да уж получше, чем у многих.

Вира промолчала.

– Ну вот, теперь ты знаешь, как я получил свое прозвище. А как ты раздобыла такой громадный меч? – спросил Децимар.

Вира отвернулась и снова оглядела таверну. Самое время распрощаться с Децимаром.

– Ступай-ка ты к товарищам, лейтенант. У них глотки пересохли.

Децимар огорченно пожал плечами и ушел. Приятели хлопнули его по плечу, захохотали и вернулись к выпивке.

Вира отодвинула недопитое пиво – ей нужна была трезвая голова. Около часа она сидела, не сводя глаз с торговца, который предупредил наемников. Он поживался под ее взглядом, но явно чего-то дожидался. Когда Децимар с товарищами ушли, Вира сделала вид, что не заметила этого, и продолжала смотреть на торговца.

Наконец высокий наемник вернулся, сел за стол к приятелю и снова кивнул торговцу. Едва заметно. Торговец утер испарину со лба – белый шелк под мышками насквозь пропитался отвратительным желтым потом, – одним глотком до-

пил шипучее вино и прошмыгнул в боковую дверь.

Вира швырнула хозяину баларский медяк, взяла со стойки меч и направилась следом, даже не озаботившись взглянуть, пойдут ли за ней наемники.

Она и так знала, что пойдут.

В полутемном переулке медные трубы, вьющиеся по стенам, шипели и постукивали, будто в них и по ним бегали громадные крысы. Из стыков в трубах вырывались клубы пара, затягивали все вокруг туманной дымкой. Торговец повернул налево и засеменил в конец переулка, к тупику. Не спуская глаз с белесого пятна шелкового одеяния, Вира выхватила меч из-за плеча и прижала к левому бедру, для большего удобства.

В извилистом переулке Вира старалась держаться шагах в пятидесяти от торговца, не выпуская его из виду и на ходу отсчитывая люки подземных ходов. Счет в уме хорошо успокаивал нервы.

После двадцать третьего люка и очередного поворота торговец исчез. На его месте возникли три типа с обнаженными короткими мечами и в некоем подобии доспехов – кожаных куртках, подбитых стальными полосами.

Зеленоглазый громила с аккуратно подстриженной черной бородкой выступил вперед:

– Слишком грубо действуешь, папирийка.

– Строго по обстоятельствам, – ответила Вира, быстро проверив, нет ли кого за спиной; еще два приятеля бородача

надвигались с боков. – А вот вы здорово лоханулись с вашим внезапным нападением.

– Ага. Ты прям надеялась, что в темном переулке, в полулиге от ближайшего пропускного пункта, тебя подстерегут пятеро.

– Кто нанял вас охранять «Милость Этерниты»? – спросила Вира.

– Вопросы здесь задаем мы, – заявил бородач.

– Ну так задавай, – пожала плечами Вира.

– Кто настучал шпионам Безумца?

Вира знала, кого он имеет в виду. Даже дворцовые вельможи и министры в разговорах между собой называли Озириса Варда не иначе как Безумцем.

– Это ты сам у Безумца спроси.

– Значит, это он тебя сюда послал. А почему?

Вира улыбнулась. Уклончивых ответов от нее больше не требовалось.

– Потому что торговля драконьим маслом на черном рынке запрещена.

– Ну и что? С каких это пор вдове императрицы дают такие поручения?

– Круг моих обязанностей значительно расширился. – Вира разжала правую ладонь и снова сжала ее в кулак. – В общем, не будем тянуть кота за хвост. Назовите мне имя торговца, который вас нанял, и убирайтесь восвояси.

– Ха, ты про Тровиса, что ли? – ухмыльнулся бородач. –

Да эту вонючую крысу знают все в Четвертом квартале. Вот еще, ради него ноги бить!

Судя по всему, он говорил о торговце в белом одеянии.

– Нет, не про Тровиса, – ответила Вира. – А про того, кто ему приказывает. Тот самый торговец шелком, который скупает драконье масло, чтобы к следующему полнолунию отправить его в Таггарстан.

Бородач больше не ухмылялся. К Озирису Варду Вира отнеслась с той же подозрительностью, что и к дракону-красноголову, но в данном случае сведения, полученные от имперского инженера, оказались верны.

– А что такого? – невинно осведомилась Вира. – Это секрет, что ли?

– Ты бы лучше поинтересовалась не его именем, а тем, что он приказал нам сделать с тобой, вдова. – Бородач кивнул своим приятелям. – Вот ты в переулок вошла, но больше отсюда не выйдешь.

Вира пристукнула большим пальцем по рукояти меча. Разумеется, ответы из этого типа можно вышибить силой, но обнаженная сталь, как правило, приводит к нежелательным последствиям. В таких случаях лучше полагаться на золото.

– И сколько денег тебе за это посулили? – осведомилась Вира. – Императрица Домициана заплатит куда больше.

Бородач помотал головой:

– Зря стараешься.

Что ж, попытка – не пытка.

– Ладно, – сказала Вира. – Будь по-твоему.

Бородач снова кивнул и, пригнувшись, двинулся к Вире. Два типа из таверны последовали его примеру.

Едва бородач занес ногу для следующего шага, Вира рванулась вперед и саданула его в лицо рукоятью меча. Бородач с размаху плюхнулся на задницу, рассыпая осколки зубов. Лево́й рукой Вира схватила ножны и швырнула за спину, в одного из громил, которому пришлось отбить их взмахом клинка. Вира тут же метнула в него свой меч, который, будто копье, пронзил ему сердце насквозь.

Тем же движением Вира увернулась от неуклюжей атаки наемника из таверны, выхватила Кайсу и ловко вскрыла обе артерии на его шее.

Оставшаяся парочка продолжала наступать на Виру с медлительностью черепах. Вира отшатнулась от вражеского клинка, который вонзился в медную трубу, откуда вырвалась тугая струя горячего пара. Наемник взвыл от боли в обваренной руке, но тут же умолк – Вира перерезала ему голосовые связки.

Последний громила только собрался нанести удар сбоку, как вдруг ему в предплечье воткнулась Кайса, и он отшатнулся. Вира выхватила Овару, и клинок вошел под подбородок наемника, вонзившись прямо в мозг. Тело еще не упало наземь, а Вира уже выдернула кинжалы из трупа и шагнула к бородачу, который пытался отползти подальше, будто краб. Из разбитого рта бородача хлестала кровь.

Вира саданула наемника между ног – не так сильно, чтобы он потерял сознание, но вполне чувствительно. Он застонал и свернулся в клубок от боли. Вира умела соизмерять свои силы, поскольку вдов обучали, как именно следует ущемлять мужское достоинство, чтобы добиться желаемого результата. Сейчас Вира хотела выпытать у наемника все его секреты.

Она присела перед ним на корточки:

– Давай-ка попробуем еще раз. Кто тебя нанял?

Джолан



Альмира, провинция Дайновая Пуца

Целые сутки Джолан шел с отрядом воинов по северной кромке Дайновой пуци. Они двигались врассыпную, по звёриным тропам и вдоль ручьев, держась подальше от проторенных дорог. По пути Джолан собирал грибы и старательно делал вид, что оказывается рядом с Оромиром по чистой случайности. Всякий раз, когда он приближался к молодому воину, в горле вставал ком, а сердце билось чаще. Джолан

постоянно вспоминал ночной разговор в амбаре.

– А какой сегодня день? – Виллем перебросил голубиную клетку с одного плеча на другое (пробираясь через джунгли, все воины по очереди несли почтового голубя). – Мы не пропустим рыночный день? Умбриков Дол славится своим рынком в сезон Ясных Небес.

Сезон Ясных Небес наступал каждые пять лет, осенью после Великого перелета. Пока драконы собирались на брачные игрища в восточных логовищах, альмирским земледельцам не грозила напасть с неба. Громадные ящеры не мешали сбору урожая, так что зерна, овощей и фруктов было намного больше, чем в обычные годы. Во всех альмирских городах, включая Умбриков Дол, устраивали огромные рынки.

– Не волнуйся, – ответил Стэн. – Там еще неделю будут торговать. Вряд ли туда уже весь урожай доставили. Будут тебе и ананасы, и бананы, и апельсины. А вдобавок в Умбриковом Доле делают отменную ветчину и окорока.

– Эх, я так люблю ананасы из Дайновой пущи! – сказал Виллем. – Надо бы запастись впрок соленьями и вареньями, а то в прошлый сезон Ясных Небес не рассчитал, все дочиста подъял еще до зимнего солнцеворота.

– И как ты всю эту провизию потащишь? На себе? – спросил Стэн.

– Нет, конечно. Я ее зарюю.

– А спорим, на следующее утро ты и не вспомнишь, где горшки закопал? Так что о зимнем солнцевороте и думать

забудь.

– Да пошел ты, Стэн! У меня память – кремень. Я накрепко запоминаю, что, где и когда зарыл.

– И что же ты там позарывал, кроме своих какашек?

– Не твое дело, – огрызнулся Виллем.

– Виллем-бурундук... – задумчиво протянул Стэн. – А ничего так прозвище.

Путники взобрались на вершину горы, откуда открывался вид на широкую долину. Все поселение было перед ними как на ладони.

Умбриков Дол, новый город, раскинулся вокруг древней крепости, некогда сложенной из тяжелых гранитных плит; теперь плиты растрескались, а ветхие, кое-как подправленные стены выглядели шатко и жалко. А вот городские дома, лавки и таверны, построенные из свежих бревен и крытые красной черепицей, все как один были новехонькими и окружали крепость пятью концентрическими кругами. Дорога, кольцом идущая под крепостными стенами, была заставлена громадными возками и телегами, до краев полными продовольствия; здесь были и кукуруза, и фасоль, и пшеница, и рис, и разнообразные овощи, и всевозможные фрукты. Снеди с лихвой хватило бы, чтобы прокормить не только город, но и все окрестные фермы на много лиг вокруг. Перед возками стояли зазывалы, громко расхваливали товар, торговались с покупателями.

– А вот и ананасы! – завопил Виллем, указывая на груду

плодов. – Целая гора.

В восточных предгорьях были разбиты кофейные плантации, а на западе, в самом сердце Дайновой пущи, виднелись десятки лесопилок и широкие просеки, прорезавшие джунгли. Упряжка волов тянула в город длинную телегу, полную свежеспиленных бревен.

Камберленд злобно сплюнул:

– Умбрик, гаденыш, не успокоится, пока не вырубит весь лес.

– Ну еще бы, – сказал Оромир. – Все Греалоры по-гибли, Воинство Ягуаров взбунтовалось, налогов никто не взимает, вот Умбрик и гребет деньги лопатой. Чистый доход.

– Все равно он мерзавец, – ответил ему Камберленд. – Ты по молодости не помнишь, как здесь было раньше, когда провинцией владели Бершады. Ни одной лесопилки на всю Дайновую пущу! – Он поглядел вдаль. – Такая была красота... По утрам все затягивал густой туман, ягуары дремали среди ветвей, птичьи трели звенели на все джунгли...

– Так ведь птицы никуда не делись, – заметил Виллем.

– Ну и что? Сейчас все по-другому.

– А мартышки? Они весь день за нами гоняются, визжат на все голоса, – не унимался Виллем.

Джолан прислушался, недоуменно наморщил лоб:

– Не слышу я никаких мартышек.

Все умолкли и тоже прислушались.

– Твоя правда, – сказал Стэн. – Все затихло. С каких это

пор?

– Не важно, с каких пор, – буркнул Камберленд, оглядывая небо и деревья. – Тут другое. С чего бы это они?

На долину упала огромная тень. Джолан было подумал, что это дракон, но вспомнил о Великом перелете. Тень не скользила по земле, как при полете дуболома или вердена, а зависла над долиной – тяжелая, неподвижная. Туча?

Джолан взглянул в небо и ничего не понял.

Сначала он решил, что это странный, никому не ведомый дракон, в два раза больше наги-душеброта, но черно-серый, с громадным горбом на спине.

Нет, не с горбом, а со здоровенным раздутым мешком, сшитым из обрывков темной шкуры. Под мешком висел корпус корабля, сработанный не из дубовых досок, а из драконьих костей. Невероятно! Скелеты драконов быстро гниют и разлагаются, их невозможно сохранить. А для постройки корабля таких гигантских размеров нужны десятки, а то и сотни драконьих скелетов.

– Это летучий корабль, – сказал Джолан, сам не веря своим словам.

Стальные балки и медные тросы обвивали корабельное днище, словно переплетенные корни запущенного сада. С корабля доносился гулкой металлический звон и стук, будто сотни кузнецов били по наковальням. В носу Джолана защекотало от резкого запаха сосновой смолы – на корабле жгли драконье масло.

– Демоново отродье! – пробормотал Стэн, разглядывая корабль в небесах.

Джолан посмотрел на город. Из окон высовывались люди, размахивали руками, кричали. Какой-то горожанин выронил кошелки с малиной и рисом и, забыв о двух малых детях, со всех ног помчался в лес.

Корабль накренился, сделал поворот и замер над крепостью. В днище распахнулся квадратный люк, оттуда на землю сбросили черные канаты.

Крики перепуганных горожан заглушили механический шум летучего корабля. Жители Умбрикова Дола бросились наутек, по улицам и проулкам, пытаясь найти укрытие под покровом джунглей. Тот, кто помчался первым, уже скрылся в темноте чащи.

Воины в доспехах соскользнули на землю, рассыпались по рыночной площади, начали цеплять канаты к возкам и телегам с продовольствием.

– Знакомые доспехи, – буркнул Камберленд. – Это балары.

– Поганые шестеренчики? – переспросил Стэн. – Что им здесь понадобилось?

Ему никто не ответил, потому что никто не знал. Впрочем, спустя минуту ответ стал очевиден.

Воины запрыгнули в возки с продовольствием. Послышался резкий возглас, канаты натянулись и стали подниматься, унося в чрево летучего корабля знатную добычу – весь

урожай сезона Ясных Небес. Однако люк в днище не закрылся, и корабль по-прежнему висел над городом.

Из люка на рыночную площадь упал стальной шар размером с лошадь. Из железной коробочки на верхушке шара торчали медные провода и трубки.

– Это что, часы? – спросил Виллем.

– Не знаю. Никогда таких не ви...

Яркая вспышка заставила Джолана зажмуриться что было сил. Потом раздался оглушительный грохот, словно тысячи молний одновременно ударили в город.

Когда Джолан открыл глаза и проморгался, оказалось, что крепость исчезла. На ее месте осталась лишь груда дымящихся развалин. Все постройки в сотне локтей от развалин были охвачены пламенем.

Все, не веря своим глазам, уставились на разрушения.

Из глубины корабельного корпуса послышался механический рык и рев. Корабль стремительно помчался на восток и вскоре превратился в темную точку на горизонте.

– А торговцы-то не ввали, – ошеломленно прошептал Виллем. – Надо же, а я им не верил. О боги!

– Вперед, – сказал Камберленд, решительно направляясь вниз по склону.

– А вдруг они вернуться? – спросил Виллем.

Не отвечая, Камберленд ускорил шаг.

На одной из улочек отряд наткнулся на труп женщины в

желтом платье; тело наполовину обгорело дочерна. Джолан машинально опустился на колени и, скинув с плеча котомку, начал смешивать мазь от ожогов.

– Прекрати! – прикрикнул Камберленд.

– Но ей нужна мазь, чтобы...

– Ей нужна ракушка, малец. А кого-то другого еще можно спасти. Пойдем.

Джолан взгляделся в женщину. Сообразил, что она умерла. Стэн наклонился над телом, вытащил ракушку из-за нагрудной пластины, что-то пробормотал и вложил в рот несчастной.

Они прошли по главной улице, где еще не просохла грязь от недавних ливней, и наконец добрались до рыночной площади. На землю медленно падали хлопья сажки. Во рту чувствовался медный привкус, пахло горелым мясом. Четыре неошипанные куриные тушки у входа в лавку мясника еще дымились, воняло подпаленными перьями.

В лавке что-то гроыхнуло, дверь распахнулась, и на пороге появился мясник в замызганном фартуке, пошатываясь и прижав ладони к лицу. Между пальцами струилась кровь. Он сделал шаг и упал бездыханным.

Джолан бросился к нему, но тут заметил еще одного горожанина на противоположной стороне площади. Несчастный лежал на боку, одну ногу оторвало начисто, другую – раскровенило в клочья. В нескольких шагах от него женщина склонилась над ребенком, зажимая обеими руками глубокую ра-

ну в животе девочки.

«Нельзя метаться от одного раненого к другому, – сообщил Джолан. – Они все слишком далеко друг от друга. Прежде чем что-то предпринять, надо составить план действий».

Джолан никогда не оказывал первую помощь на поле боя, но за свое недолгое ученичество прочел все пятнадцать томов справочника «Услуги алхимика в военное время и обработка ран в полевых условиях», поэтому знал, что делать. Просто у него не было практического опыта.

«Сосредоточься. Не делай глупостей».

Джолан скинул котомку с плеча и начал выкладывать из нее целебные травы.

– Здесь я буду проводить триаж, – заявил он, надевая целительные рукавицы мастера Моргана. – Приводите ко мне всех пострадавших. А для тяжелораненых сделайте какие-нибудь носилки – например, выломайте дверную створку, осторожно уложите на нее пациента и подтащите ко мне. Вначале я займусь теми, кто получил самые серьезные увечья.

Джолан огляделся. Горожане не двигались с мест, оцепенев от ужаса.

– Эй! – крикнул Джолан, чтобы вывести их из ступора. – Людям нужна помощь. Ведите пострадавших ко мне.

Пять часов спустя Джолан сделал все, что мог.

При взрыве погибли шестьдесят три человека. Еще двадцать девять скончались на глазах у Джолана, дожидаясь своей очереди. Двадцать три пациента с жуткими ожогами не протянут и недели. Еще девятнадцать, с серьезными увечьями, скорее всего, выживут. Пятьдесят три человека с незначительными ранениями полностью поправятся.

– Не снимай повязку три дня, – сказал Джолан, обложив обгоревшее плечо горожанина божьим мхом. – Чтобы не допустить заражения.

– Спасибо, – прошептал раненый. – Спасибо тебе за все. Джолан пустил в ход половину своего запаса божьего мха. Он знал, что растратил целое состояние, но от ожогов пострадали дети и младенцы. Даже если божий мох им не поможет и они умрут, Джолан утешал себя мыслью, что сделал все возможное для их выживания.

Наконец последний раненый ушел. Джолан опустился на корточки, закрыл глаза и вздохнул. Почти стемнело.

– Невероятно!

Джолан открыл глаза. Перед ним стоял Оромир, сжимая рукоять меча у пояса.

– Не то слово, – пробормотал Джолан, кивнув на распротертые вокруг тела; Стэн и Камберленд вкладывали ракушки в рот покойникам. – Столько смертей. Я не смог всех спасти.

– Если бы не ты, многие отправились бы в последнее плавание к морю. – Оромир присел рядом с Джоланом, взял его

руки в свои. – У тебя есть драгоценный дар. Ты остаешься спокоен, даже если вокруг царит хаос. Ты быстро и уверенно смешиваешь настойки, готовишь мази, зашиваешь раны, делаешь семь вещей одновременно и не путаешься. Невероятно. Просто поразительно. Честное слово.

Оромир поглядел на ладони Джолана, сжал его пальцы.

– Спасибо, – сказал Джолан.

Его еще никто и никогда так не хвалил. Если бы мастер Морган был жив, он просто кивнул бы Джолану и, может быть, на следующее утро позволил бы ему выпить лишнюю чашку кофе.

Оромир хотел что-то добавить, но осекся, тут же вскочил и схватился за меч, резко повернувшись влево.

Там стояла женщина с иссиня-черными волосами, уложенными в тугий пучок, и в странном черном доспехе, испещренном глубоко процарапанными завитками. Ее лицо пересекал раздвоенный шрам. В руке она сжимала мясницкий тесак.

– Кто здесь главный? – спросила она с сильным папирийским выговором.

– А ты кто будешь? – настороженно отозвался Оромир.

– Меня зовут Сосоне Калара Сун. Я пришла помочь Воинству Ягуаров.

– Помочь в чем?

Она указала в небо:

– Помочь вам разобраться с баларами.

Оромир привел Сосоне к Камберленду. По приказу Камберленда все собрались в одном из немногих строений, не поврежденных взрывом, – в сапожной лавке.

– Армада неболётов пересекла Море Душ и осуществила тщательно спланированное нападение на Альмиру, – сказала Сосоне.

– Где именно? – спросил Камберленд, расстелив карту на полу сапожной лавки, где со стен свисали десятки недошитых сапог.

– Сначала они атаквали Гленлок, потом двинулись вдоль северной оконечности Дайновой пущи и по долине Горгоны, – объяснила Сосоне, проводя рукой в черной перчатке по карте Альмиры. – Вот сюда. В Глиновал. В Вермант. В Зеленошпор.

Джолан украдкой косился на оружие Сосоне. У одного бедра папирийки висел мясницкий тесак, а у другого – длинный кинжал с рукоятью из кости косатки.

– Значит, они напали на Дайновую Пущу и на долину Горгоны. А как обстоят дела в Незатопимой Гавани и на Атласском побережье?

Сосоне покачала головой:

– Насколько мне известно, эти области не пострадали.

– Балария заключила союз с Линконом Поммоллом? – спросил Стэн.

– Вряд ли. Три недели назад армада неболётов уничтожи-

ла весь его флот.

– Я же говорил, что это правда! – выкрикнул Виллем из угла; он где-то отыскал кувшин ливенеля и теперь жадно прикладывался к горлышку. – А мне никто не верил.

– Ты недавно признался, что сам не поверил торговцу, – напомнил ему Стэн. – Забыл, что ли?

– А, ну да.

– Странно, что они не тронули столицу и Атласское побережье, – удивился Камберленд.

Сосоне снова покачала головой:

– Их больше интересуют запасы продовольствия. А в Дайновой Пуще и в долине Горгоны в этом году собрали богатый урожай.

– Вдобавок на Атласском побережье куда больше воинов, – добавил Оромир. – Эшлин призвала все войска в Незатопимую Гавань. Воинство Ягуаров рассеяно по джунглям, мы случайно оказались в Умбриковом Доле и стали свидетелями нападения. В долине Горгоны воинов не осталось, ведь почти все войско Седара Уоллеса было уничтожено в битве при Незатопимой Гавани.

– Да, малец прав, – признала Сосоне.

– Я тебе не малец, – резко отозвался Оромир. – Я с честью ношу маску воина. Я ее заслужил.

Сосоне пристально посмотрела на него и скупно улыбнулась:

– Я не хотела тебя обидеть, древесный кот.

– Ягуар, – поправил ее Оромир.

– Ягуар, – повторила Сосоне. – Как скажешь.

Напряжение разрядилось так же быстро, как возникло.

Оромир расслабился и снова поглядел на карту.

– Между прочим, из корабля высадилось только двадцать воинов, не больше, – сказал он. – Вполне достаточно, чтобы похитить продовольствие, но, вообще-то, маловато. Горожане могли бы дать им отпор. Наверное, балары решили, что летучий корабль всех распугает, хотя наверняка знать этого не могли. – Он повернулся к Камберленду. – По-моему, у балар не так уж и много солдат.

– Согласен, – кивнул Камберленд. – Это дает нам некоторое преимущество.

– Преимущество? – переспросил Джолан. – Похоже, вы забыли, что здесь произошло. За пять минут один-единственный неболёт разрушил полгорода. А сколько людей погибло!

Под холодным взглядом Сосоне Джолан тут же стушевался.

– А вот этого можно называть малец? – осведомилась она.

– Можно, – ответил ей Стэн.

– Зеленый, как древесная лягушка, – поддакнул Виллем.

Оромир промолчал, лишь неловко пожал плечами и кивнул Джолану.

– Он тоже станет воином? – недоверчиво уточнила Сосоне. – По-моему, этому древесному коту придется долго карбкаться.

– Мы не древесные коты, – возразил ей Оромир. – Мы...

– Джолан – наш лекарь, – оборвал его Камберленд. – А мы отвлеклись. Мне тебя нужно о многом расспросить, вдова. Во-первых, откуда тебе столько известно о летучих кораблях? Они же недавно появились в Альмире.

– Баларские корабли летают быстро, – прозвучал мужской голос, – но не быстрее голубей Эшлин Мальграв.

Все обернулись. Увидев, кто стоит в дверях, Камберленд вскочил и коротко кивнул:

– Военачальник Лайавин! Рад встрече.

Остальные воины-ягуары, услышав имя, на миг замерли, но больше ничем не выказали вошедшему командиру особого почтения.

– Обойдемся без титулов и без чинов, – отмахнулся Лайавин. – Когда ты гонял меня по пыльному плацу в Заповедном Доле, то звал меня просто Карлайл, а еще чаще – засранец. А теперь, когда я возглавил весь этот жалкий сброд, церемонии нам и вовсе ни к чему.

Карлайл говорил четко и уверенно, чисто произнося каждое слово. Джолан понял, что этот человек провел много времени при королевском дворе, где отучился от протяжного провинциального выговора.

– Если тебе не по нраву командовать, не надо было поднимать людей на бунт, – сказал Камберленд.

– Тогда пришлось бы пресмыкаться перед этим придурком, который предал Эшлин и намерен уничтожить Дайно-

вую пушу, – вздохнул Карлайл. – Рано или поздно мы одолели бы воинов-черепак, но эти проклятые неболёты...

– Я знаю, что делать, – встрял Виллем. – Собрать манатки и спрятаться поглубже в джунгли. В чаще нас не отыщет ни одна сволочь.

– Так и проживешь всю жизнь в чаще? – спросил Стэн.

– Я в чаще родился, туда и вернусь.

– Может, тебе оно и лучше, – сказал Карлайл. – Но в нашей провинции люди живут и в городах, и на фермах, и в долинах. В джунглях всем не спрятаться. Надо избавиться от летучих кораблей раз и навсегда, иначе не видать нам прежнего привольного житья.

Виллем задумался.

– А может, ты умеешь молнии выпускать? Как Эшлин Мальграв. Ну, из елдака? Вот было бы здорово! Мы б живо всех разогнали.

Карлайл поглядел на Виллема и сказал:

– Во-первых, у Эшлин нет елдака, так что молнии она выпускала не оттуда.

– Ну, ясное дело, она их из другого места...

– Во-вторых, – оборвал его Карлайл, – похоже, что все это ее так называемое колдовство сгинуло вместе с ней после битвы. Так что придется нам уничтожить летучие корабли другим способом.

Все умолкли. Наконец Виллем кашлянул и заявил:

– Драконьи ссаки! Это же невозможно.

Карлайл снова посмотрел на Виллема и то ли поморщился, то ли едва заметно улыбнулся:

– Вот как обстоят дела: нам стало известно, что в Альмире действовало шесть неболётов. Пять загрузились украденным продовольствием, разбомбили города и снова улетели за Море Душ. А шестой остался в Альмире и захватил Черный Утес.

– Столицу провинции Седара Уоллеса? Зачем баларам это понадобилось?

– В Черном Утесе вторая по величине альмирская гавань. Там удобнее всего высадиться папирийской армии. По ночам неболёт зависает над городом, а днем патрулирует западное побережье. Мы считаем, что он охраняет берега, чтобы не дать императрице Окину прийти на помощь Альмире.

Камберленд повернулся к Сосоне:

– Окину собирается прийти к нам на помощь?

– Ее всевечное величество императрица предпочитает не разглашать свои планы, – ответила вдова.

– Ну-ну, – с сомнением произнес Камберленд. – Значит, ты намерен уничтожить шестой летучий корабль?

Карлайл с улыбкой поднял упавший табурет и уселся посреди лавки.

– Кто-нибудь помнит об Осенней войне в долине Горгоны?

Виллем сплюнул на пол:

– Не-а, ваша милость. Пока некоторые просиживали шта-

ны в библиотеках, мы воевали в проклятых джунглях.

Карлайл посмотрел на Виллема все с тем же непонятым выражением лица.

– Вот потому мне и нравятся молодые Ягуары. Они любят тратить силы почему зря.

– Молодые? Кто бы говорил! Да ты меня всего лет на пять старше.

– Все зависит от того, какого опыта наберешься за эти пять лет. – Карлайл помолчал, дернул гвоздь, торчавший из табурета; гвоздь не поддался. – Так вот, я вспомнил об Осенней войне, потому что именно тогда альмирцы впервые применили арбалеты. – Он указал на оружие за спиной Виллема. – Сейчас с ними умеют обращаться многие воины, но на самом деле арбалет – баларское изобретение.

Виллем неуклюже переступил с ноги на ногу, встревоженный неожиданной новостью, – оказывается, все это время он пользовался вражеским оружием.

– Это было задолго до баларского вторжения, тогда Альмира свободно торговала с Баларией. Один из горгонских баронов привез из-за Моря Душ несколько сотен арбалетов, и когда Воинство Ягуаров вторглось в его владения, их превратили в дикобразов. Такого поражения Ягуары не знали несколько десятков лет. Пришлось им с позором убираться в джунгли, поджав хвост. – Карлайл покосился на Виллема и снова дернул гвоздь. – Однако же при отступлении один из Ягуаров поумнее сообразил прихватить с собой неизвестное

оружие. В те стародавние времена Ягуары сочли странную конструкцию из дерева и металла творением демонов. Тогда они еще не видели рычагов, пружин или стрел, способных с легкостью пронзать стальной доспех, а потому хотели уничтожить загадочный предмет, принести его в жертву лесным богам в обмен на удачу в следующем набеге. Но кому-то, у которого то ли мозгов было побольше, то ли суеверий поменьше, пришла в голову мысль отнести оружие алхимику, чтобы тот разобрал его на части, выяснил, как оно устроено, а потом сделал такие же арбалеты.

Виллем откашлялся:

– Я к тебе со всем почтением, Карлайл, но зачем ты нам рассказываешь эту байку про арбалеты?

– А вы как думаете? – спросил Карлайл остальных.

– Летучие корабли – то же самое, что арбалеты, – сказал Джолан. – Новое оружие. Новая технология. То, что можно разобрать на части, понять, как оно устроено, и воссоздать заново. – Помолчав, он добавил: – Ты хочешь не уничтожить неболёт, а украсть его.

– Умный малец, – сказал Карлайл. – Именно этого я и хочу.

– Командир, – начал Камберленд. – Мне понятны и твоя байка, и твоя логика, но я простой солдат. У меня нет ни смекалки, ни опыта, чтобы ухватить летучий корабль с неба.

– И у меня тоже, – кивнул Карлайл и обернулся к Сосоне. – А вот у нее есть.

– Неужели вдовы обучены похищать неболёты, о существовании которых до сих пор никто не подозревал?

– Мы обучены причинять вред врагам.

– А, так вы не просто телохранительницы, которых все боются!

– Типа того.

Поразмыслив, Камберленд спросил:

– И сколько же вдов ты привела?

– Только одну. Ико. Она ждет за дверью.

– Правда? – Виллем оглянулся, будто ожидал увидеть вдову в тени за спиной. – А я ничего не слышу.

– Это потому, что у тебя уши глиной забиты, – сказала Сосоне. – Ико – одна из лучших вдов. Но с вашей страной мы почти незнакомы. Нам нужен проводник. Доведите нас до Черного Утеса, а там мы с Ико и без вашей помощи украдем неболёт.

– Значит, от нас требуется просто-напросто прогуляться с девушками и показать им наши провинциальные достопримечательности? – спросил Карлайла Камберленд.

– Да.

– Как-то неправильно все это. На востоке идет война, а мы с ребятами отправляемся совсем в другую сторону, на запад.

– В Дайновой пуще у меня три тысячи воинов. Четверо солдат не помогут мне выиграть войну, а наш собственный неболёт поможет. Я отправляю твой отряд на это задание, потому что у тебя люди надежные.

– Ну, надежными я бы их не назвал, – вздохнул Камберленд. – Просто они по чистой случайности обходятся без ракушки дольше других.

– Как скажешь. Заставлять вас я не собираюсь. Воинство Ягуаров отправляется на север, сражаться с отрядами черепак Линкона Поммола, которые без спросу перебрались через Горгону. Если хочешь, присоединяйся.

– А кто же тогда поможет папирийкам?

– Отряд Ольрика.

– Они все уплыли к Морю Душ две недели назад, после стычки у Беловороньей скалы.

– Значит, пойдет отряд Вуллона.

Камберленд поморщился:

– Этот придурок не отыщет даже сральник у себя во дворе. – Он помолчал и добавил: – Ладно, мы вас проведем.

Сосоне кивнула:

– Спасибо.

– А если вы украдете неболёт, кто им будет управлять? – спросил Оромир.

– Мы склоним команду летучего корабля к сотрудничеству, – ответила Сосоне.

– Вдвоем?

Сосоне улыбнулась:

– Если нам предложат помощь, то мы не откажемся. Однако же выполнить задание мы сможем и вдвоем.

Камберленд вопросительно посмотрел на Карлайла.

– Как скажешь, так и будет, – ответил Карлайл. – Провести вдов до места назначения – это одно. А вот украсть неболёт из драконьих костей – совсем другое. Выбирай сам.

Камберленд задумался.

– Мы проведем папирик до Черного Утеса, а дальше посмотрим.

– Договорились, – сказала Сосоне. – А сколько дней займет путь?

– Три недели, не меньше.

Бесстрашная вдова удовлетворенно кивнула.

– А ты чем займешься, пока мы прогуливаемся по свежему воздуху? – спросил Камберленд Карлайла.

Карлайл снова подергал гвоздь, торчавший из табуретки.

– Как только мы отбросим воинов Линкона за Греалоров мост, они снова двинутся к мостам на востоке. Я позволю основным силам противника переправиться через реку, так что им придется посылать обозы с продовольствием в самую чащу джунглей. А потом я отрежу черепахам путь к отступлению, заставлю рассредоточиться и уничтожу по одному.

– Хороший план, – кивнул Камберленд.

– Война с Линконом – только начало. Чтобы сохранить свободу провинции Дайновая Пуща, необходим неболёт. – Камберленд наконец-то выдернул гвоздь из табуретки, встал и зачем-то сунул его в карман. – Я очень надеюсь на вас. На всех вас.

Он поочередно взглянул на каждого, даже на Джолана, и

лишь после этого вышел.

– Мне нужна ваша птица. – Сосоне указала на клетку с голубем, которую воины Камберленда забрали на мельнице, а Оромир принес в лавку сапожника. – Императрица ждет новостей.

– Да пожалуйста.

Сосоне взяла клетку, на удивление ласково успокоила птицу, а потом обернулась к Камберленду и сурово сказала:

– Ико позаботится о лошадях и провианте. Встретимся завтра на рассвете в яблоневом саду на окраине города.

– Договорились.

Сосоне собрала оружие и исчезла в ночи.

Камберленд свернул карту, поглядел на своих воинов.

– Здесь неподалеку есть таверна, она не сильно пострадала от взрыва, – сказал он наконец. – Стэн, Виллем, Оромир, запаситесь едой и отправляйтесь спать.

– А Джолан? – спросил Оромир.

– Мне надо с ним поговорить.

Оромир замешкался, но Виллем со Стэном вывели его из сапожной лавки. Джолан вслушивался в чавканье их шагов по грязи, пока все звуки не стихли.

– Мир меняется, – вздохнул Камберленд. – Когда-то для ведения войны нужны были только хорошо обученные и крепкие люди, а победителем выходил тот, кто двигался быстрее. Теперь нам приходится гоняться за неболётами из драконьих костей. – Он уставился на свои руки. – Эх, чем

дольше живешь, тем труднее.

Джолан не знал, что сказать.

– Тебе не нужно идти с нами, – сказал Камберленд.

– Не нужно?

Камберленд шумно выдохнул, оглядел недошитые сапоги, развешенные по стенам.

– Да, знаю, я тебя запугал. Пригрозил тогда, на мельнице, что выслежу тебя даже в самой густой чаще. Неправда все это. Нам некогда гоняться за мальцом по джунглям, когда тут война идет.

– А...

– Хотя, не буду скрывать, ты нам нужен. Не знаю, как пойдут дела в Черном Утесе, но, скорее всего, нам понадобится лекарь. Почти наверняка понадобится. – Он повернулся к Джолану. – Но у тебя своя жизнь, и я не намерен тебе препятствовать. Так что если захочешь уйти – вот она, дверь, перед тобой.

Он махнул рукой в темноту.

Джолан погрузился в размышления. Вспомнил о своих задумках после ухода из логовища. Вспомнил, что из этого вышло. Вспомнил о людях, которым сегодня спас жизнь, и о тех, которых не спас. Вспомнил женщину в желтом платье на окраине города. Вспомнил искалеченных детей и младенцев.

Вспомнил, как Оромир ласково сжал его пальцы.

– Я пойду с вами.

Камберленд удивленно вскинул бровь:

– Почему?

– Мой учитель, мастер Морган, утверждал, что прогресс и технология – это хорошо. Прогресс и технология помогают алхимикам исцелять людей, изготавливать действенные лекарства, изобретать новые методы лечения. Улучшать жизнь. Но сегодня... мы видели, как гибнут люди. – Джолан умолк, на миг закусил губу. – По-моему, новые технологии и прогрессивные методы ведения войны принесут Terre одни только беды и страдания. Но перемены неизбежны. Они всегда неизбежны. Однако их необходимо чем-то уравновесить. Если я могу хоть чем-то помочь жителям Дайновой Пущи, чтобы они выстояли в борьбе с неболётами, то я просто обязан это сделать.

Камберленд кивнул:

– Что ж, хорошее объяснение. Но по-моему, это не единственная причина.

– Я не совсем понимаю...

Камберленд хлопнул Джолана по плечу:

– Ну да, малец, конечно. В твоём возрасте все кажется непонятным и необъяснимым. Ничего страшного, подрастешь – поймешь. Туман рассеется, зато колени перестанут сгибаться. Такой вот обмен. Ладно, пойдём в таверну.

Они дошли до таверны, и Камберленд указал на дверь:

– Ступай, напомни остальным, что мы выходим на рассвете.

– А ты к нам не присоединишься?

– Хороший командир знает, что время от времени людям надо давать послабление. Каждому полезно отдохнуть, понимаешь?

– Да, наверное.

– И скажи Виллему, чтобы не напивался в зюю. Кто знает, может, он тебя послушает и не выхлебает лишнюю кружку ливенеля.

Виллем, Стэн и Оромир сидели за столиком в дальнем углу таверны. Хозяин и посетители сбежали, поэтому воины сами отыскивали здоровенную бочку пива, проломленную упавшей балкой.

– Ух ты! – воскликнул Виллем, увидев Джолана. – Алхимик все-таки решил пойти с нами. Уважаю. А то мы сообразили, что Камберленд собирается тебя отпустить, вот и подумали, что тебя и след простыл, – добавил он заплетающимся языком.

Джолан решил, что уже поздно передавать Виллему слова Камберленда.

– Да уж, – вздохнул Стэн. – Ты хоть и мозговитый малец, но тут сгупил не по-детски. На кой тебе тащиться с нами в Черный Утес?

– Не слушай их, – сказал Оромир, указывая Джолану на место напротив. – Садись, я тебе кружечку налил. – Он подтолкнул через стол кружку ливенеля – в шапке пены виднелся отпечаток чьих-то губ. – Это Виллем хотел к ней прило-

житься.

– Ой, вот только не надо. – Виллем сделал большой глоток из своей кружки и рыгнул. – Так вот, с чего бы это папирийцам нам помогать? С ними же никто не воюет.

Оромир пожал плечами:

– В Незатопимой Гавани военачальник Карлайл встал на сторону Эшлин, а она – племянница императрицы Папирии. Если б я был императором, а какой-то там альмирский барон убил бы мою племянницу и объявил себя королем, мне тоже не хотелось бы, чтобы он подмял под себя всю Альмиру.

– О, а вот и наш великий стратег и политик, – буркнул Виллем. – Давненько мы от тебя речей не слыхали.

Оромир снова пожал плечами:

– Как бы там ни было, хорошо, что в этой битве вдовы на нашей стороне.

– И то верно, – пробормотал Стэн. – Брр, жуткие бабы. Чисто демоницы... А вот, кстати, о демоницах. – Он кивнул на дверь.

У входа стояла папирийка в черном доспехе и с переметной сумой на плече.

– Похоже, это вторая, – сказал Оромир. – Как ее там? Ико.

Других посетителей в таверне не было, но Ико не обратила никакого внимания на воинов. Она перепрыгнула через барную стойку, ловко разожгла плиту и поставила на нее чайник. Пока вода закипала, папирийка принялась шарить по полкам и шкафчикам в поисках съестного.

Когда чайник наконец засвистел, Ико уже доверху набила суму сухарями и вяленным мясом. Затем она достала из кармана небольшую фарфоровую чашечку, высыпала в нее какой-то зеленый порошок из склянки, залила его кипятком, уселась за стол в противоположном углу и осторожно пригубила напиток.

Виллем с ухмылкой сказал Джолану:

– Иди-ка познакомься. Угости ее пивом.

– Спасибо, мне не хочется.

– Ладно, тогда я сам схожу. – Виллем встал из-за стола, нетвердыми шагами направился к бочке и зачерпнул полную кружку пива. – Если уж мы вместе отправляемся в поход, неплохо бы и познакомиться поближе.

– Да-да, неплохо бы, – пробормотал Оромир.

Все смотрели, как Виллем пошатываясь подошел к папирийке и протянул ей кружку. Вдова уставилась на нее, как на дохлую крысу.

– Я не пью пива, – сказала она, выговаривая слова на папирийский манер.

– Правда? Жаль. Хорошая вещь, – вздохнул Виллем и отхлебнул из кружки, пролив половину на усыпанный опилками пол.

Вдова поднесла к губам фарфоровую чашечку.

– Между прочим, меня зовут Виллем.

– А меня – Ико.

– Красивое имя. А что оно означает?

– Ничего. – Ико подула на жидкость в чашечке, сделала глоток.

– А что это у тебя за питье?

– Орича.

– Орища? – переспросил Виллем, коверкая незнакомое слово. – А на вкус как?

Ико не стала отвечать на вопрос, а потом словно и вовсе забыла о присутствии Виллема. Отпив еще несколько глотков, папирийка выплеснула остаток на пол, вскинула на плечо тяжелую суму и ушла, не говоря ни слова.

Виллем с минуту постоял у ее стола, а потом поплелся к приятелям.

– Да ты ее совсем очаровал, – сказал Стэн.

– Я просто хотел с ней по-дружески, – буркнул Виллем. – А она пива не пьет. Только орищу какую-то. Гадость, наверное.

– Это чай из нефритового листа, – сказал Джолан. – Очень полезный.

– Ты знаешь папирийский? – спросил Оромир.

– Немного.

– Слушай, а этим ее чаем можно напиться? – спросил Виллем.

– Нет, – ответил Джолан. – Зато он улучшает кровообращение и...

– А, ну тогда это полная фигня, – отмахнулся Виллем. – Ну что, еще по кружечке?

Все дружно подняли кружки.

Виллем повернулся к Джолану и скорчил недоуменную рожу:

– А ты чего ждешь, малец? Выпей с нами.

– Ладно. Конечно. Кружку выпью и больше не буду. Камберленд не велел напиваться.

– Ну, раз Камберленд не велел, будем пить помедленнее. – Виллем осушил кружку и снова зачерпнул пива из бочки. – Джон Камберленд плохого не посоветует.

Как заметил Джолан, Виллем выпил больше половины пива в бочке.

На следующее утро Камберленд пинками растолкал Виллема, которому впору было вкладывать ракушку в рот и отправлять в плавание к Морю Душ. Джолан приготовил ему настойку из дайновых завязей и имбиря, но Виллем, мучаясь тяжелым похмельем, тут же все выблевал.

– С тебя три серебряника, – сказал Джолан.

– Да пошел ты!

На западной окраине города воинов дожидались папирийские вдовы: Сосоне поправляла уздечку своего скакуна, а Ико грызла яблоко.

– Доброе утро, – поздоровался Камберленд.

Сосоне коротко кивнула и сказала:

– Мы все поедем верхом. Лошади надежные, хорошо отдохнувшие, оседланные.

Похоже, Ико всю ночь запасалась провиантом – переметные сумы на каждом коне были полны съестного.

– Спасибо, – поблагодарил Камберленд. – А то мы давно уже путешествуем на своих двоих.

– Где удобнее переправиться через реку? – спросила Сосоне.

– Ближе всего Греалоров мост, но через него не переберешься. Элден Греалор нанял строителей, которые соорудили огромную конструкцию, на баларский манер, чтобы легче было возить бревна с лесопилок в Дайновой пуще. А бледноглазые балары свое дело знают: на мосту больше башен и пропускных пунктов, чем в замке Мальгравов, и все под охраной людей Линкона. Туда нам ходу нет. – Он помолчал. – Мы пойдем через Демонов Проток, в двух неделях пути на запад.

– В двух неделях пути? – переспросила Сосоне. – А на карте обозначено много других мостов.

– Через них нельзя. Они все охраняются черепахами Линкона.

– Горгону можно пересечь южнее Глиновала, – сказал Джолан. – Я на себе это проверил.

– В этой дикой глуши ты перебрался через Горгону? – уточнил Камберленд.

– Ага. На плоту.

– Так ты же лекарь, – удивилась Сосоне.

– Необязательно быть лекарем или алхимиком, чтобы по-

строить плот. Мы переплыли Горгону южнее Глиновала.

– Мне хорошо знаком этот участок реки, – сказал Камберленд. – На плоту, говоришь?

– Да.

– И как тебя речная гримза не сожрала?

– Я своего спутника об этом предупреждал. И мы даже одну видели, под водой. Но все-таки переплыли и остались целы.

– Ну, не все такие сумасшедшие, как ты, Джолан. В том месте самое теплое течение. Там легче высрать золотой самородок, чем уцелеть на переправе. Вдобавок мне известны все тропы и броды в Дайновой пуще, а вот к северу от Горгоны будет труднее. Лучше идти по знакомым местам, а значит, мы переберемся через Демонов Проток, обогнем с запада селения в долине Крагнара и оттуда двинем напрямик к Черному Утесу. – Камберленд посмотрел на Сосоне. – А если вам это не по нраву, то шастайте по Альмире сами. Без нас.

Сосоне окинула его холодным взглядом:

– Меня устраивает предложенный тобой путь. Выходим через пять минут.

– Эй, погодите, – вмешался Стэн. – Мне надо проверить сбрую.

– Я же сказала, лошади оседланы.

– Может, эти клячи и оседланы, но я должен самолично убедиться. Вы наверняка что-нибудь напортачили. В общем,

я буду готов минут через двадцать.

– Ох, достал ты уже со своими лошадьми, – проворчал Оромир.

– Хорошо тебе говорить, – возразил Стэн. – Ты у нас молодой и ловкий. Ничего, придет время, перестанешь мчаться вскачь сломя голову.

– Все, хватит, – сказала Сосоне. – Даю тебе десять минут. А потом в путь.

Бершад



Терра, Море Душ, побережье Папирии

Бершад, прищурившись, смотрел на папирийский берег, окутанный густым туманом, зависшим среди ветвей высоких кедров. На полуострове еле виднелся небольшой городок, сквозь серую дымку проглядывали только крыши домов. Однако же невозможно было не заметить полдюжины военных кораблей с поднятыми парусами – они полным ходом шли на веслах из гавани навстречу судну, приближав-

шешуюся к земле.

– Тебя всегда дома встречаются с боем? – спросил Бершад у Джаку.

– Нет. – Джаку сплюнул за борт. – Обычно ничего такого не происходит.

– И что нам делать?

Капитан задумался.

– Спустить паруса. Остановиться. И надеяться, что нас не потопят, не выслушав объяснений.

– А, так надежда все же есть?

– Зависит от командующего флотилией. – Джаку помолчал и добавил: – Неплохо бы слепить какого-нибудь альмирского глиняного божка.

– Что происходит? – спросила Эшлин, выглянув из трюма.

– У нас тут небольшие неприятности, королева, – сказал Джаку, указывая на военные корабли.

Эшлин вышла на палубу. Завидев королеву, папирийские матросы умолкли, прекратили браниться и размахивать руками, а многие и вовсе отбежали подальше, будто вспомнили о каких-то срочных делах. Так они вели себя с тех пор, как Эшлин потопила неболёт, – как будто поразительные способности королевы были страшным секретом, о котором все знали, но боялись упоминать.

Матросы относились к ней с благоговением, ведь она спасла их жизни, и преисполнялись суеверного ужаса перед ее колдовством.

Бершад и Эшлин разглядывали приближавшуюся флотилию. Каждый корабль наверняка скрывал сорок воинов в трюме, а на мачтах сидели полтора десятка лучников. У папирийцев явно было численное преимущество, да и от закопченной драконьей нити на запястье Эшлин толку больше никакого.

– По-моему, императрица знает, что случилось с кораблями, отправленными в Альмиру, – сказала Эшлин; океанский ветер трепал темные пряди ее волос, а сама она не сводила глаз с флотилии. – Скорее всего, она приказала своему флоту нападать на любые суда, возвращающиеся с юга.

– Откуда такая враждебность? – спросил Бершад.

– Враждебность – обычное отношение императрицы Окину к чужестранцам, – фыркнула Эшлин.

– Я целиком и полностью подтверждаю слова королевы, – сказал Джаку.

Военные корабли окружили одинокое судно. Когда все пути к отступлению были отрезаны, два фрегата вышли из строя и устремились к кораблю, будто красноголовы на охоте, только медленнее. На корабельных корпусах, обитых черной сталью, красовались изображения волн и косаток в прыжке. На носу появились лучники, наставили на корабль заряженные и взведенные арбалеты.

– Эй! – выкрикнул кто-то с палубы папирийского фрегата. – Кто вам позволил без предупреждения зайти в папирийские воды?

– А у нас другого выхода не было, – откликнулся Джаку, встав у борта.

– У нас приказ топить любой корабль из Альмиры.

– И почему же ты нас еще не потопил?

– Мне захотелось разобраться. – Бритоголовый капитан с жиденькой бороденкой, прищурившись, всмотрелся в Джаку. – По-моему, я тебя не знаю.

– Я – капитан Джаку.

– А, слышал о таком.

– А тебя как зовут?

– Капитан По.

Джаку кивнул и четко отдал честь на папирыйский манер.

– И я о тебе слышал. Мой старший помощник, Томкин, когда-то служил у тебя под началом. Хорошо о тебе отзывался.

– И как дела у Томкина?

– Три года назад ракушку проглотил. – Джаку помолчал и добавил: – А без предупреждения мы явились потому, что у нас особый груз. Вот, сам посмотри.

Джаку указал на Бершада и Эшлин.

По окинул взглядом палубу, уставился на татуированные щеки Бершада и на суровое лицо Эшлин:

– А вы кто такие?

– Это Эшлин Мальграв, королева Альмиры, племянница всевечной императрицы Окину, – объявил Джаку и сплюнул. – А это – долбаный Бершад Безупречный.

– Надо же, – сказал капитан По, дернув бороденкой. – По-

кажи-ка мне руку, драконьер.

Бершад выступил вперед, под прицел десятка арбалетов, сбросил куртку, расстегнул рубаху и высвободил руку из рукава, открыв вытатуированную цепочку из шестидесяти шести драконов, которых он убил за четырнадцать лет изгнания, – больше, чем любой драконьер во всей Терре.

По облизал губы, не отрывая взгляда от легендарной татуировки:

– Охренеть.

– Угу, – буркнул Бершад.

– Ну так что? – спросил Джаку. – Прикажи-ка своим людям опустить арбалеты и дай нам пройти. Мы привезли вести из Незатописимой Гавани. Плохие.

– Нам это известно, – сказал По; арбалетчики продолжали держать корабль Джаку под прицелом. – Вдова Сосоне прислала почтового голубя.

На корабле упала тень. По взглянул в небеса:

– Что это? Серокрылый кочевник?

Все уставились в небо. Джаку кашлянул.

– Он нас давно сопровождает. Покамест не нападал.

– Это дракон. Они только и делают, что нападают.

– Серокрылые кочевники обычно не нападают на людей, – на чистом папирийском сказала Эшлин, сделав шаг вперед.

На нее нацелились арбалеты.

По сплюнул:

– Я плохо разбираюсь в драконах, но знаю, что они не

прислушиваются к заявлениям свергнутых королев. – Он посмотрел на Бершада. – Может, ты возьмешь копье и покажешь нам свои умения?

– Я больше этим не занимаюсь.

– Ну да, теперь ты переключился на императоров. – Он ткнул пальцем в сторону Бершада. – После того как ты убил Мерсера Домициана, балары объявили огромную награду за твою голову.

– Я еще и императорский дворец поджег.

– Капитан, хватит уже разговоров о баларах и драконах, – сказала Эшлин, пытаясь сменить тему. – У нас срочные новости. Нам как можно скорее нужно попасть в Химейю.

– Потерпите. Кроме вестей, доставленных почтовым голубем, в Папирию пришли и торговые суда. Торговцы нам всякого наговорили о сражении. Они, конечно, любят приукрасить, но все как один утверждают, что Эшлин Мальграв – колдунья и ведьма, которая уничтожила все войско Седара Уоллеса, выпуская изо рта шаровые молнии.

– По-твоему, я похожа на ведьму?

– Если честно, я не знаю, как выглядят ведьмы. И как выглядит Эшлин Мальграв, я тоже не знаю. – По снова окинул взглядом палубу и заметил Фельгора, который сидел на бочонке и чистил ногти щепкой. – А вот тебя я знаю. Ты – Фельгор, Поджигатель Борделей.

– Так нечестно! – запротестовал Фельгор. – Я только однажды чердак подпалил, да и то по чистой случайности.

– Ну-ну, – вздохнул капитан По. – Значит, тут на корабле собрались неизвестная, именующая себя королевой-ведьмой, императорский убийца-изгнанник и знаменитый вор. Да вас троих в самом страшном сне даже на десять лиг не подпустят к императрице Окину!

– Верно подмечено, – сказала Эшлин. – Но в вестях Со-соне наверняка говорилось и о том, что Эшлин Мальграв, возможно, уцелела в сражении при Незатопимой Гавани и спаслась на папирийском корабле. В таком случае императрица Окину сообщила бы вам сведения, необходимые для установления моей личности.

По кивнул и наморщил лоб, явно что-то припоминая.

– Было такое. Императрица приказала задать один вопрос той, кто назовет себя Эшлин Мальграв: как прекратить вспышку кровавого поноса среди жителей отдаленной горной деревни?

Эшлин улыбнулась:

– Все дело в источниках воды. Для начала необходимо смешать давленные яблоки из драконьего логовища с таким же количеством мха Багряная Башня и дважды в день промывать десятью галлонами этой смеси все колодцы в округе; тем временем необходимо отыскать новый родник или ручей, желательно высоко в горах, выстроить акведук и собирать воду в особую цистерну.

По хмурился, слушая Эшлин, – очевидно, она говорила то, что следовало, но капитану это почему-то не нравилось.

– Ну ладно, – наконец сказал он. – Мне приказано сопроводить вас в Нулсин. – По указал на окутанный туманом город. – Императрица даст вам аудиенцию.

– А почему не в Химейю? – недоуменно спросила Эшлин.

– Не знаю. – Капитан По перевел взгляд с Бершада на Эшлин. – Императрица примет только тебя. Вора и драконьера закуют в кандалы и отправят в темницу, пока не решат, что с ними делать дальше.

– Нет, они останутся со мной! – возмутилась Эшлин.

– Твоего прибытия ожидали. А этих никто не ждал. Вдобавок я следую приказам всевечной императрицы Папирии, а не альмирской королевы-ведьмы.

Бершад едва заметно пожал плечами: мол, тут и спорить нечего. Эшлин сообразила, что сейчас бесполезно возражать или настаивать на своем.

– Я не потерплю жестокого обращения с пленниками! – все-таки заявила она.

– Все будет в полном порядке, королева, – заверил ее По, глядя, как Бершад и Фельгора заковывают в кандалы и уводят на фрегат.

Когда Фельгор приблизился к капитану По, кандалы слетели с его запястий и со стуком упали на палубу. Фельгор вытянул руки и удивленно поглядел на них:

– Надо же, какая у меня скользкая кожа!

– Очень смешно, – сказал капитан По и рукой в латной перчатке хлестнул Фельгора по лицу.

Фельгор повалился на палубу.

Бершад дернулся было на помощь, но тут же замер – на него наставили арбалеты.

– Капитан! – окликнула Эшлин. – Я тебя предупреждала.

– Жестокое обращение – это одно, – ответил По. – А учить придурка уму-разуму – это совсем другое. – Он улыбнулся Фельгору. – Добро пожаловать в Папирию.

Эшлин



Папирия, портовый город Нулсин

– Твоя вдова останется на корабле, – сказал капитан По, когда фрегат причалил в порту Нулсина, непримечательного городка со скромными домами из кедровых бревен, крытыми сланцевой черепицей.

– Нет, не останусь, – ответила Хайден.

Капитан По опешил.

– Но если ты меня так опасешься, я оставлю тебе ору-

жие, – сказала Хайден и вручила ему свой короткий меч и пращи.

По посмотрел на свернутые пращи, будто на клубок змей, наконец взял их, передал одному из матросов, что-то буркнул и жестом пригласил Эшлин и Хайден следовать за ним. Они направились к хижине, где пахло свежей соломой и виднелись следы прерванной работы: недовязанные снопы пшеницы и полунарезанные брикеты торфа. Судя по всему, обитатели хижины покинули ее совсем недавно.

– Подождите здесь, – сказал По, оглядывая скромное жилище.

– Чего ждать?

Не отвечая, капитан По вышел за дверь.

Долгое время Эшлин и Хайден сидели молча.

Наконец Эшлин сказала:

– Я никогда не благодарила тебя за то, что ты для меня делаешь.

– За что это?

– Ты почти полжизни провела у меня на службе, – объяснила Эшлин. – Гонялась со мной за драконами. Охраняла меня в лаборатории, пока я проводила алхимические опыты. Присутствовала вместе со мной на бесконечных государственных советах и нудных встречах. А когда умер мой отец... ты за меня сражалась. Ты столько раз спасала мне жизнь, а я даже не подумала сказать тебе спасибо.

– Мне не нужны благодарности. Я вдова. Я обязана тебя

оберегать.

– Больше этого не потребуется.

Хайден недоуменно наморщила лоб:

– Прости, королева, но я тебя не понимаю. Ты во мне разочаровалась?

– Вовсе нет. Ты – лучшая телохранительница и лучшая подруга. Но я больше не королева. Мне не положено ни твоей помощи, ни твоей защиты.

– Я помогала тебе не потому, что ты была королевой, а потому, что в твоих жилах течет императорская кровь. И пока ты жива, я буду исполнять твои повеления.

– Нет, Хайден, я не буду тобой повелевать. Я больше не имею права тебе приказывать. Ты всю жизнь несла опасную и трудную службу и, несмотря на все испытания, выпавшие на твою долю, все-таки вернулась на родину. Мне хочется, чтобы ты наконец-то пожила в свое удовольствие.

Хайден задумалась.

– Я ценю твое предложение, Эшлин. Однако же, даже если ты откажешься от моих услуг, я все равно останусь вдовой. А вдовы, у которых нет подопечных, выполняют для империи работу иного рода.

– Как Сосоне?

– Да.

Эшлин помотала головой:

– Нет-нет-нет, для тебя я этого не хочу. Окину ценит наши родственные связи, поэтому я попрошу, чтобы тебе поз-

волили жить в мире и спокойствии.

Хайден хотела что-то ответить, но осеклась и, оглядевшись, сказала:

– Она здесь.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что нас окружили.

Из теней беззвучно выступили два десятка вдов. Дверь в хижину распахнулась, и всевечная императрица Окину перешагнула порог.

На императрице было платье из черного и алого шелка, перетянутое поясом на талии. Белая пудра тонким слоем покрывала лицо, черная тушь четко обрисовывала брови и губы. Смоляные волосы змеей обвивали голову и водопадом струились по спине. Слева и справа от императрицы замерли вдовы-телохранительницы.

– Императрица, – с глубоким поклоном произнесла Эшлин.

Хайден тоже склонилась в поклоне.

Целую минуту Окину молча смотрела на свою племянницу. Загримированное лицо императрицы не позволяло определить ее возраст, но Эшлин точно знала, что ей семьдесят три года.

– Черные небеса! – наконец воскликнула Окину. – Я сказала одной из вдов, что ты окажешься самозванкой, а выходит, я проспорила ей два золотых. – Голос императрицы шуршал, как старая бумага на речной гальке. – У тебя ма-

теринский нос, отцовские глаза и, если верить капитану По, обширные познания в медицине. Во всяком случае, ты точно знаешь, как и чем лечить кровавый понос. Так что сегодня я всем кругом должна, племянница.

Эшлин снова почтительно склонила голову:

– Спасибо, что приютили меня, императрица. У меня есть для вас неотложные новости. Во время нашего плавания случилось...

– А правда, что твой бывший любовник убил в Баларии Мерсера Домициана?

– Он сделал это по моему приказу.

Окину нахмурилась:

– Прежде чем отдавать такие непродуманные приказы, тебе следовало посоветоваться со мной.

Эшлин тяжело сглотнула, понимая, куда клонит Окину. Императрица хотела загнать племянницу в угол, чтобы получить преимущество в дальнейших переговорах о предоставлении беглецам убежища в Папирии. Но Эшлин не собиралась поддаваться.

– Я отдала приказ из насущной необходимости. Мерсер Домициан хотел разрушить мировой порядок.

– Мерсер Домициан был предсказуем, чего не скажешь о тех, кто теперь пришел к власти в Баларии: об Актусе Шипе, о твоей младшей сестре и, конечно же, об Озирисе Варде.

– Вы знаете Озириса Варда? – удивилась Эшлин. – Откуда?

Окину оставила вопрос без ответа.

– Кроме слухов о том, что твой любовник натворил в Заводном городе, ходит множество сплетен и о тебе, моя драгоценная племянница, и о колдовстве, которое ты напустила на Незатопимую Гавань. – Императрица указала на запястье Эшлин. – Покажи-ка, что у тебя там.

Эшлин замялась. Она хотела упомянуть о драконьей нити после того, как переговоры завершатся, но раз Окину об этом известно, то бесполезно что-то скрывать. Эшлин завернула рукав черного платья и показала императрице законченную нить, вплавленную в кожу.

– Что это?

– Спинномозговой нерв призрачного мотылька, – объяснила Эшлин.

– Вот оно что... – прошептала Окину. – Ты тоже о нем узнала.

Эшлин не ожидала такого ответа.

Императрица заметила изумление на лице племянницы и улыбнулась:

– Неужели ты решила, что секреты драконов Терры известны только тебе?

Эшлин облизала губы.

– Откуда вы это знаете?

– Всему свое время. Сначала покажи мне, как ты им пользуешься.

Вдова слева от Окину негромко кашлянула.

– Тийя, давай обойдемся без этих вот предупреждений исподтишка, – отмахнулась императрица и нетерпеливо обратилась к Эшлин: – Ну, не тяни! Или ты забыла заклинание? Или тебе еще что-то нужно?

– Рассказы о том, что случилось в Незатопимой Гавани, – чистая правда. Но по пути на север мы подверглись нескольким нападениям, поэтому мне пришлось воспользоваться нитью. К сожалению, она пострадала, – объяснила Эшлин.

– Как именно она пострадала?

– По-моему, вы знаете о свойствах этих нитей. Называйте их как хотите – биологический феномен, усиленный добавками алхимических ингредиентов, или просто колдовство. Моя драконья нить не выдержала нагрузок и больше не реагирует на воздействие известных мне катализаторов.

– А на что она теперь реагирует?

– Не знаю. Может быть, вообще ни на что.

– Жаль.

– И это не единственная наша проблема. Моя драконья нить пострадала, когда я уничтожила летучий корабль из драконьих костей и стали.

– Что ж, одним неболётом меньше – и то хорошо.

Эшлин снова недоуменно наморщила лоб. То, что Окину не выказала ни малейшего удивления при упоминании летучего корабля, имело только одно объяснение.

– Вам известно о неболётах?

– Разумеется. Они всегда привлекают внимание, а у меня

глаза и уши повсюду.

– Расскажите, пожалуйста, что произошло.

– Видишь ли, Эшлин, когда твой любовник убил Мерсера Домициана, он избавил нас от одной проблемы, но на ее месте возникла другая, гораздо сложнее. Теперь Баларией правит генерал Актус Шип. Твоя сестра и ее муж – марионетки на императорском троне. В Баларии установлена военная диктатура. Вдобавок из-за голода страна оказалась на грани катастрофы. Мерсер намеревался спасти положение, используя свою глобальную монополию на драконье масло для заключения выгодных торговых договоров. Однако Актус Шип – солдафон до мозга костей. Скажи-ка мне, что бы ты сделала на месте Шипа, если бы у тебя в стране не было продовольствия, зато была целая армада неболётов?

Поразмыслив, Эшлин ахнула:

– Не может быть!

– Увы, может. – Окину вытащила из кармана ворох скрученных пергаментных листов – голубиную почту. – Вот сообщения от вдов, уцелевших после сражения при Незатопимой Гавани. К несчастью, вдов осталось не много, но им я доверяю как никому больше в Терре. В каждом послании говорится одно и то же. Пока вы плыли на север, весь флот Линкона Поммола был уничтожен, сожжен дотла. А после этого в каждом крупном альмирском городе, где в сезон Ясных Небес устраивают рынки, появился летучий корабль из драконьих костей и стали. Из корабельных трюмов спрыгнули

воины, похитили продовольствие, а потом неболёты сбросили бомбы на города и улетели восвояси. Погибло очень много альмирцев.

– Но почему балары просто забрали продовольствие и улетели? Если армада летучих кораблей и впрямь так велика, то они легко могли бы завоевать Альмиру!

– Не только Альмиру, но и всю Терру, – поправила племянницу Окину. – Но в Листирии разгорелся мятеж, поэтому Актус Шип отправил свою армию его подавлять. А как ты думаешь, что он сделает после того, как усмирит бледнокожих листирийских варваров?

Эшлин была наслышана об Актусе Шипе: этот жестокий правитель творил ужасающие злодеяния во вверенных ему провинциях Баларской империи. А теперь, когда он обзавелся неболётами, следовало предположить, что он распространит свои зверства по всей Терре.

– Мне нужно срочно вернуться в Альмиру.

– С бесполезной драконьей нитью на запястье и в сопровождении изгой-убийцы? Это навряд ли поможет, – поморщилась Окину. – Не забывай о главном. Разумеется, Актус Шип представляет определенную угрозу, но главная проблема не в нем.

– А в ком?

– В том, кто построил армаду неболётов. В Озирисе Варде.

– Откуда вы знаете, что армаду построил Вард?

– Потому что именно это я поручила ему пятьдесят лет

тому назад. Правда, я приказала ему построить обычные, а не летучие корабли.

Эшлин не сумела скрыть изумления:

– Если можно, объясните поподробнее, пожалуйста.

– Что ж... – Окину указала на стол посреди пыльной комнаты. – Я стара. У меня опухли лодыжки и болят колени. Давай присядем. – Она подошла к столу и уселась, приняв величественную позу. – Говорят, однажды ты взяла к себе на службу алхимика, чтобы он изучал пчел на какой-то горе в джунглях. Это правда?

Эшлин пожала плечами. Алхимика звали Фрула, и, насколько было известно Эшлин, он до сих пор обитал на той горе.

– Тетушка, за прошлый месяц я проплыла сотни лиг и стала причиной гибели нескольких тысяч человек. Лучше расскажите мне, что именно связывает вас с Озирисом Вардом.

Окину улыбнулась:

– Вот что мне в тебе нравится больше всего, Эшлин. Ты не тратишь времени на пустые разговоры. Нет, я не пытаюсь что-то от тебя утаить, а вопрос я задала по очень простой причине: извлекать пользу из алхимии можно разными путями, а не только беря на службу вздорных старцев. Я была гораздо моложе тебя, когда стала императрицей, но уже тогда решила подыскать для алхимии более практическое применение.

– В каком смысле практическое?

– Я мечтала о кораблях из драконьей кости и о воинах, облаченных в неуязвимые доспехи. Если рассуждать логически, то лучше самого большого флота в мире может быть только тот, который невозможно уничтожить. Из истории Терры мне было известно, что те драконьи кости, которые каким-то образом удается сохранить, приобретают особую прочность. Их ничем не разрушишь. А раз драконью кость можно сохранить, то, естественно, должен существовать какой-то способ ее сохранения в промышленных масштабах. Я хотела, чтобы алхимики разработали такой способ.

Эшлин прищурилась. Окину ясно излагала ход своих рассуждений, но за ними скрывались какие-то неизвестные Эшлин знания.

– А какие именно сведения позволили вам прийти к таким выводам?

– Эти сведения я похитила у гильдии алхимиков, из их архивов в Паргосе.

– Вы их похитили?

– Вот представь, что, взойдя на альмирский престол, ты унаследовала не страну, где нет ничего, кроме джунглей, болот, бездорожья и вечно пьяных баронов-недоумков, а две тысячи лучших в мире телохранителей, ассасинов и лазутчиков. Как бы ты этим воспользовалась?

Эшлин пришлось признать, что логика императрицы безупречна.

– Значит, ваши вдовы украли у алхимиков способ сохра-

нения драконьей кости?

– Не совсем. Алхимики очень трепетно относятся к своим секретам, но в их записях не оказалось ничего, кроме теоретических выкладок и предположений. Единственным ценным сведением было упоминание о месте, где, возможно, отыщется разгадка тайны драконьих костей. – Она многозначительно умолкла, а потом произнесла: – На острове Призрачных Мотыльков.

– Вы шутите?

Об острове Призрачных Мотыльков говорилось лишь в легендах и сказаниях. Якобы это было некое тайное место, полное драконов, демонов и немыслимых сокровищ.

– Да, поначалу я тоже подумала, что это все выдумки. Но выяснилось, что остров существует на самом деле. Он находится далеко на севере, в Великой Пустоте. Его местоположение давно известно алхимикам, просто они вот уже триста лет хранят эти сведения в своих архивах.

– А почему?

– Потому что считают, будто на острове таится секрет бессмертия, и уже много сотен лет пытаются его отыскать, – фыркнула Окину. – Прямо как дети. Из архивных документов мне стало известно, что алхимики устроили на острове несколько исследовательских станций. Одним из последних туда отправился ботаник по имени Касамир, изучать какой-то уникальный гриб. По-моему, чистая дурь. На острове обитала целая стая смирных драконов, но для Касамира

грибы почему-то были важнее.

– А откуда там смиренные драконы?

– Спустя несколько лет после прибытия на остров Касамир сообщил, что на северной оконечности угнездилась большая стая призрачных мотыльков. Это меня заинтересовало, и, зная о сравнительно мягком нраве этой породы, я решила послать туда своего человека, с особым поручением. Разумеется, воспользоваться услугами алхимиков я не могла, поскольку украла сведения из их архивов, так что я взяла на службу того, кого с позором изгнали из гильдии.

– Озириса Варда?

– Да.

– А за что его изгнали?

– Если верить ему, то за неумное любопытство. Конечно же, это не самое развернутое объяснение, но меня оно не интересовало.

– Почему?

– Потому что он был молод, честолюбив и умен, то есть очень похож на тебя, Эшлин. Если не считать полного отсутствия каких-либо моральных принципов и нравственных ценностей. Стремление Озириса к знаниям не ведает границ, и ради этого он готов использовать любые методы исследования. Для него не имеет значения, какой ценой достаются эти знания. Все эти качества великолепно подходили для моих целей, но в конце концов я жестоко поплатилась за свое решение. Если честно, я до сих пор за него расплачиваюсь.

Эшлин вспомнились рассказы Бершада о жутких экспериментах Варда, о бесстрастных ампутациях и прочих изуверских опытах. Страшно было представить, что этот человек теперь повелевает баларской летучей армадой.

– А чем он занимался на острове Призрачных Мотыльков?

Окину придвинула к ней стопку документов:

– Вот, сама прочитай. Мы с Вардом договорились, что каждые полгода я буду отправлять на остров корабль, для восполнения припасов и передачи сообщений. После того как Озирис Вард добрался до острова, я получила следующее послание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.